

2-й этаж - 2-й этаж
189

Виктор Козлов

Воспоминания
о Малышовке

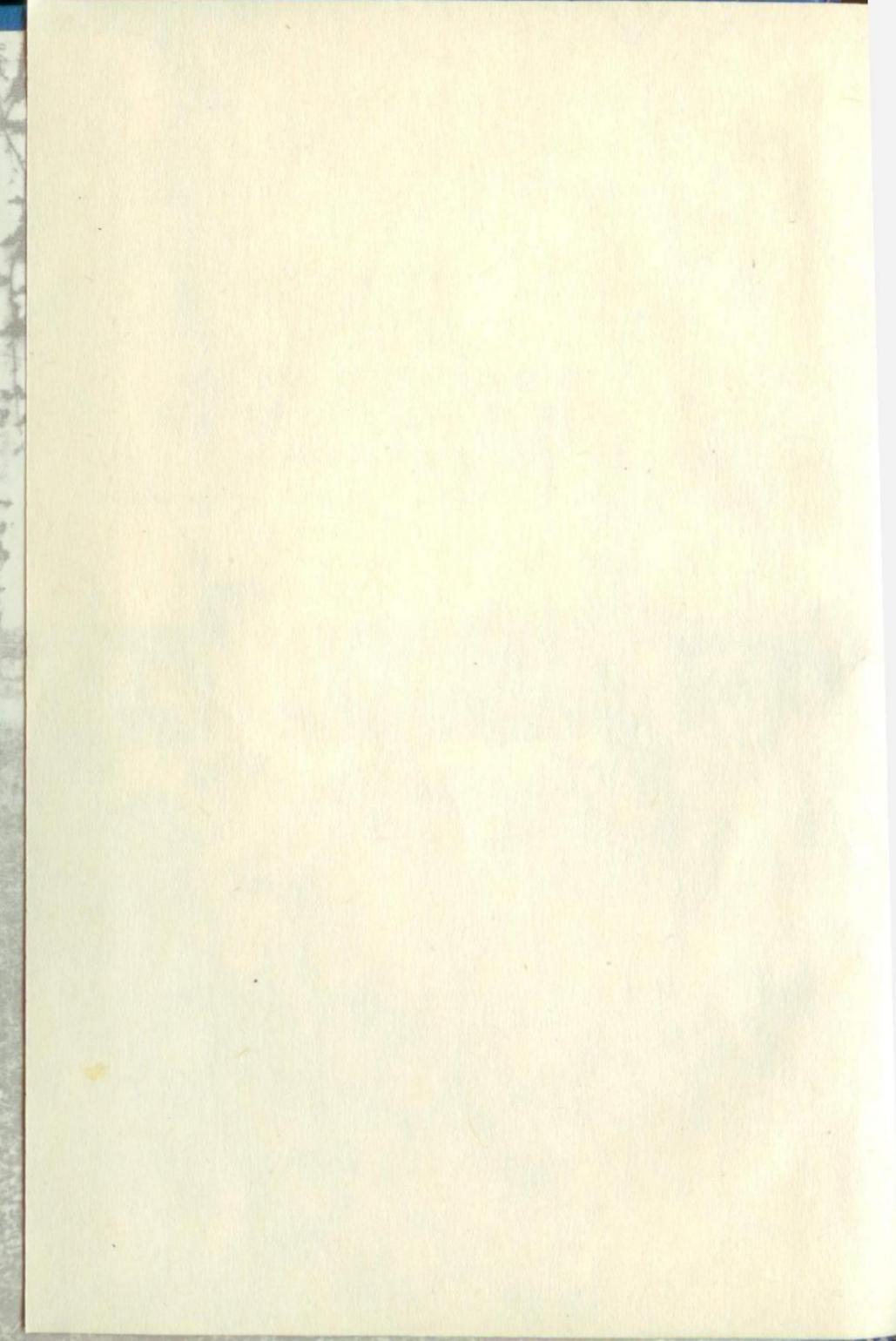
44/01/25

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

84/2008 = 6XIIH = 2 Мер

K59

Виктор Козлов

*Крае Везде слово
отдачу ЦБС*

от автора

*на добрую
ночь
В. Цыганов
12.01.07*

ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЬШОВКЕ

Стихотворения, поэмы

075252001

Регион ЦБ-КО

79

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв № 75252/1-11

Шадринск

Издательство ПО «Исеть»

2000

ББК 84Р7
К59

Козлов В. Н. Воспоминания о Малышовке. Стихотворения, поэмы. — Шадринск: Изд-во ПО «Исеть», 2000. — 167 с.

Новый сборник стихотворений и поэм Виктора Козлова «Воспоминания о Малышовке» составили произведения, большинство из которых написаны в последние годы. В сборнике звучит тема военного и послевоенного детства, размышления о наших сегодняшних днях, стихи и поэмы о людях Тюменского севера, которому поэт и геолог Виктор Николаевич Козлов отдал десятилетия вдохновенного труда, являясь участником открытия многих нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Поэт начал активно печататься еще в 60-е годы — в региональных и московских изданиях, был лауреатом литературных конкурсов. Виктор Козлов автор нескольких поэтических и очерковых книг.

ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА

На давних — теперь уже старинных — фотографиях он, геолог, романтик, поэт, Виктор Козлов припшеничном упрямом чубе, решительном взоре, как и положено первопроходцу севера, смотритса соответствующе... Сегодня он чуть огрузнел, посолиднел, голос с хрипотцой — следствие многолетней «дружбы» с ветрами и выюгами, работой, как говорят, в экстремальных условиях. Особенно в начале своей первопроходческой биографии...

Начало 60-х годов. Разбуженные первыми открытиями нефти и газа, недра Тюменского севера. Для меня, тюменского «южанина», вчерашнего десятиклассника слагавшего первые стихотворные строки, он, наш север, неведомый пока, представлялся мне такими красками: «Там знамена алеют над чумами, а в тайге еще ханство Кучумово». Образ! Гипербола! А молодые романтики, выпускники геологических и нефтяных вузов, приехавшие на север по распределению, видели его в другой красе: топи и болота, полчища комаров, мошкары, палатки, буровые вышки, трактора, тонущие в болотах. И — первые брусчатые дома будущих городов! И все это ради высокой цели! И все это — ради страны!

Была энергия, был соответствующий ДУХ, была радость участника великих открытий, великого времени! И, естественно, душа откликнулась на эти события. В том числе, и стихотворными строчками. И это было открытие: новой тематики, в первую очередь. Свежие ритмы, образность, поэтическая инструментовка строк, предметность, сам дух первородства ворвался в традиционную тишину наших «полевых» и «ромашковых» раздумий о Родине, признаний в любви к отчему краю. И вот как-то, приехав из села в Тюмень, пошел я на книжном при-

лавке сборник стихов местных авторов. В нем было напечатано и яркое, запомнившееся мне на многие годы, стихотворение неизвестного мне тогда Виктора Козлова: «Весеннее». Приведу эти строки полностью:

Это здорово — правда? —
Очутиться в Тюмени
Вот в такой же весенний
Ослепительный день,
И почувствовать заново
Запах сирени,
И увидеть
Сиренево — синюю тень...
Это здорово — правда? —
После серых, как скука,
И холодных, как смерть,
Заполярных снегов
Вдруг на землю упасть
И послушать: «А ну — ка,
Как ты дышишь, земля,
Ты здорова?
И я,
Я чертовски здоров!
Чуешь,
Как от меня
Пахнет дымом и потом
И ноги блаженно
Гудят в сапогах?
Им досталось шагать
По тюменским болотам:
Как — никак, а всю зиму, земля,
На ногах!..»
Это здорово — правда? —
Шагать по асфальту
В остроносых ботинках,
Легко — как босой!..

Так и хочется сделать
На улице сальто
Или просто пройтись
По земле колесом!
...В сквере возле вокзала
Звонкогорлое пенье —
Здесь скворцы начинают
Раньше прежнего петь.
Это здорово — правда? —
Очутиться в Тюмени,
А потом до весны
Вновь в тайгу улететь.

Да, немало писалось в ту пору стихов и горячих очерковых строк о наших тюменских свершениях. Заезжими и местными поэтами, которые звонкой чередой проходили через литературные семинары молодых в Тюмени — столице нефтяного и полевого края. Большинство из этих стихотворцев канули в неизвестность. Немногие, более сильные по таланту, по судьбе, заявили о себе и о времени книгами, стали профессиональными литераторами. Среди них и мои друзья — поэты Владимир Нечволода и Андрей Тарханов, геолог и прозаик Геннадий Сазонов, старшие наши коллеги по перу Иван Ермаков и Людмила Славолубова. Зазвучали они — именно в шестидесятые годы.

Беру с книжной полки томик стихов — тоже коллективный — серия «Библиотека современной поэзии и прозы» (издательство «Молодая гвардия», 1967 год). Здесь, в ряду классических строк Маяковского, Твардовского, Луговского, Симонова, Смелякова, Мартынова, Рубцова и других именитых — стихи Виктора Козлова. Он представлен двумя стихотворениями — «Весеннее» и «Сургут», в котором есть такие строки:

Жара и пыль,
Комар и мошкара,
И перекур здесь по — солдатски краток...

Вокруг Сургута, словно детвора,
Толпится целый выводок палаток.

Это реалии, предметность тех лет, талантливым пером Виктора Козлова, превращенная в поэтическую реальность. Успешно дебютировав в поэзии, Виктор Козлов не оставил геологию. Работе этой отданы десятилетия. Поступи он иначе, т. е. уйди он в ту пору на «вольные литературные хлеба», в его багаже было бы, наверно, больше изданных книг. На сегодня в этом багаже — две поэтические и три очерковые книги. Много? Мало? Как тут сказать. Человек сам выбирает свою стезю. Но для нас сегодня важен факт, что Виктор Козлов в хлопотах производственных находил время для занятий литературным трудом. А это — воля, подвижничество! Как и то, что придя в большую жизнь из голодного военного и послевоенного детства, он сумел твердо определиться в жизни. В краткой биографической справке для настоящего сборника «Воспоминание о Малышовке» Виктор Николаевич сообщает: «Родился в 1937 году на Алтае. Учился в деревенской школе в Башкирии, закончил Уфимский нефтяной институт. В Тюменской области с 1961 года. Работал помбуром, главным инженером, начальником РИТС, главным технологом экспедиции, объединения. Участник открытия многих месторождений нефти и газа. В настоящее время живу в г. Мегионе».

За этой «справкой» — живая, многотрудная работа, жизнь: с восторгами и печальями, завоеваниями и утратами. И несомненными победами! Жизнь, переплавленная в поэтические строки.

Как и многие русские поэты советской эпохи, на чью долю выпало жить на острие времени, Виктор Козлов — родом из детства. Именно в тех горьких сиротских годах — истоки его поэтической биографии, патриотизма, гражданской позиции, веры в справедливое

устройство мира, несмотря на все катаклизмы эпохи.

Подчеркну еще раз: поэт Виктор Козлов пришел в жизнь и в литературу из деревенского детства, полного и ярких красок, осветивших его сиротство, безотцовщину, виной которым — война. Об этом в настоящем сборнике немало проникновенных стихов. Но основное в его творческой биографии — Тюменский север, его притяжение, ставшее судьбой: любовь, семья, работа... Любовь к Родине!

И сегодня в пору скороспешной «переоценки ценностей», а точнее, смуты и разрухи в Отечестве, совершенной нечестивцами, называющими себя «демократами», поэт не изменяет судьбе, убеждениям, любви к родине, к России. Об этом он очень пронзительно сказал в одном из недавних по времени написания стихотворений:

На фронте мы не воевали, —
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мерзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.

На воле жили — как в неволе;
к тому ж — беспартные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...

Но Боже! Как же мы любили
свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
Свою — от ночи до рассвета,
в снегах, в слезах — СВОЮ!
не «эту»!

Точно, пронзительно сказано. Горько. И — светло.

**Николай Денисов,
лауреат литературной премии
Тюменского комсомола.**

Простую истину одну
Я понял пацаном в войну:
«Хлеб»,
 «спички»,
 «соль» и
 «мыло» —
Основой жизни было.

А жизнь тогда была крута.
Но ведь была и «доброта»...
Да! Доброта и Милость! —
Вот жизнь и сохранилась.

Сейчас все это вновь в цене.
А Милость с Добротой —
 вдвойне...

Воспоминания о Малышовке

Радость в сердце пообвыкла,
я поверил наконец:
на двух — дней — ную — побывку
приезжает к нам отец!
Едет полк его на Запад
из Улан — Удэ — Читы!..
...У отца казенный запах,
но родимые черты.
Он меня совсем затискал,
так к груди своей прижал, —
я от счастья только пискнул..
Он меня под мышку взял
и подкинул: — Ну — ка, сынка!
Вот так сынка! — говорит..
А на матери косынка
синим пламенем горит.
А в глазах то жар, то холод:
— Коля, Коль, не урони!..
Был отец силен и молод.
Командирские ремни
хорошо на нем сидели.
— Не грустите, я вернусь! —
обещал он. Мы ревели:
горе шло к нам, а не грусть..

ЛЕТО 48-ГО

Жаркий полдень... Скулящий кутенок...
Рожь белесая выше меня...
Где – то рядом трусит жеребенок,
колокольчиком школьным звеня.
Это едет угрюмый объездчик
с сыромятным кнутом
у луки.
И от страха
сердчишко трепещет:
под рубахой
шуршат
колоски...

ТРОИЦА

...Хлебным духом печка дразнит:
наскребла мучицы мать!

Троица! Престольный праздник!
Мальшовку не узнать:
вся в зеленом обрамленьи!
Аржанные косники
понесли на угощенье
девушки в березняки...

«Троица, Троица!
Земля травой покроется:
нам не до жиру —
быть бы живу!»

НА НИВЕ

Рожь издали то ровной гладью,
то зыбью бьется в небосвод.
А мама — будто прямо в платье
по золотой волне плывет...

А подошел — волна распалась
на трепетные стебельки.
Но мать косынкой утиралась,
как будто вышла из реки.

ЗАСУХА

Ни дождичка. Жара, как бритва.
В то лето голод нас морил.
Запомнил Крестный ход. Молитву,
Что я голодный сотворил:
«Солнышко, не мучай,
спрячься за тучей.
Илья – пророк!
Чтоб я — промок.
Чтоб дождь —
на рожь.
На пшеницу и картоху.
На подсолнухи с горохом...
На гречиху и овёс...
И па весь колхоз.
И на лён.
И на клён.
На траву – мураву...
На дубраву – урему...
На казённый лес...
И — чтоб радуга с небес!»
Несли хоругвь худые руки.
И в знойном мареве на нас
глядел Нерукотворный Спас
сурово с бархатной хоругви.

1999

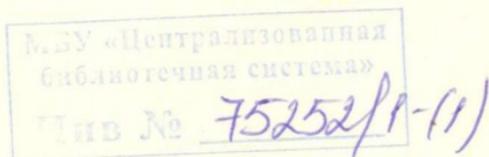
Растихоня Малышовка
в разгуляй — четверг шумит!
В председательской кошевке
мала — куча гомонит.

Выездной рысак в запарке —
селезенка ёкает.
Ездовой, веселый парень,
Девок в щеки чмокает.

Бабы — то навзрыд рыдают,
то частушки голосают:
«У попа, у Яшки, бают,
чашки вот таки висят!»

«За налоги лапти сымут —
босиком плясать пойдём!»

Блин гречишный в маслице —
малышовская масленица!
Солнце ластится,
к лету ладится.

...А тут и волки зачастили
по снегу талому... Следы
не менее сковороды
к утру, — как в школу мне, —
застыли.

На этот раз из лесу, с тылу,
они зашли — через сады.
Иду с предчувствием беды...
Ну, так и есть!.. В груди заныло...
В чью нынче стайку волк залез?
Задрал овечку и исчез —
собак — то нет уж на заимке!
Все шло к единому концу...
Волк опоздал: увел овцу
вчера агент
за недоимки.

В КАЗЕННОМ ЛЕСУ

Дуплистые вязы в Казенном лесу.
Там вяхири стонут, почуя грозу.
Могучие вязы хранят полумрак.
Под каждым кустом мне
мерещится враг.

С ножом самодельным
иду и свищу;
грибную колоду в лесу я ищу:
грибы на вязовых колодах растут,
«вешенками»
их в Малышовке зовут.

Ох, сколько вешенок!
Не верится аж...
Вот мать удивится:
«Добытчик ты наш!»

СТРАДА

Над Параниным угорьем
солнце в мареве встаёт.
Мать моя, Вера Григорьевна,
на своей загонке жнет.
Ей хороший нужен день —
восемь соток трудодень.

Рожь на солнце золотится,
ноги в кровь сечет стерня.
Прогибая спину, жница
мельком смотрит на меня:
службу я свою несу —
Зорьку на жнивье пасу.

Но лениво повилику
Зорька хмурая жует.
«За какой же грех великий
все напасти на сирот?!» —
восклицает горько мать,
продолжая сноп вязать.

Мне до боли Зорьку жалко...
Верю в добрый я исход —
зря пропала, что ль, рыбалка?
Солнце строгий доброхот,
поворачивая тень,
завершает трудодень.

Мы снопы в суслоны ставим.
Солнце за Казенный лес
опустилось, как за ставень.

Сумрак понизу полез,
и моих коснулся ног
шелковистый холодок.
К вёдру золотится зорька...
Трубный голос подала,
оживилась наша Зорька.
Хорошо пошли дела!

Серп железный на руке,
серебристый — вдалеке...

ЛЕТО 46-ГО

В тот год я пас корову.
Раз, на исходе дня,
какой — то нездоровый
вдруг сон сморил меня...

Когда очнулся,
Зорька
шершавым языком
меня лизала¹ ...Горький
в голодном горле ком
вдруг встал — и я от этой
от ласки... заскулил:
и то, что папки нету...
и то, что нету сил
у мамки — чтоб погладить
иль подзатыльник дать...

А Зорька влажным взглядом
глядит — совсем как мать...
Я разбирался в травах
и Зорьку пас с умом,
и был спасен шершавым
молочным языком.

¹ На память мне осталась заметка у виска — вихор, торчащий малость и выющийся слегка.

«СИН МИНЕКЕ БЕР»²

Безымянная наша река.
Листья лип глянцеваы от меда.
Нет ни облачка, ни ве-тер-ка...
Уходя на ту сторону бродом,
Джамиля мне протяжно кричала:
«До-сви-да-ни-я... Вик-тор-рка-а...
Я тебя полюбила мало-мало...
Син минеке бер!..»
Ах, как солнце тогда калило:
недород и голод сулило...
Но прекрасным казался мир:
грудь от радости распирало!
(Я жалел лишь, что я не башкир).
.....
Детство моё! Син минеке бер!

Ты у меня один(а) — (башк.).

БАЛЛАДА О МИШЕ-ТАЗЛАРЕ

У Миши — Тазлара загадочный взгляд.
Глаза его страшною тайной манят...

Мальцом проблуждал он в урмане всё лето.
Под самым Тазларом башкир один встретил
бедняжку и свез на осенний базар,
и спрашивал там: «Чей Тазлар — балалар?»

Признал его тут же далекий сельчанин:
«находку» обмыли, как следует, в чайной,
и Мишу доставил родителям он...
Но разум у Миши был чуть омрачен, —
и радость смешалась с душевною болью.

Родительской он окружен был любовью,
но сверстники грубо смеялись над ним:
«Тазлар — балалар» да «немтырь — нелюдим».

Затворником стал он под свист и насмешки:
завидев людей, все бросал он и в спешке
бежал, куда ближе — домой или в лес...

И взрослым уже — он бесследно исчез.
А тем, кто дразнился, с тех пор, говорят,
Мерещится всюду таинственный взгляд.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ 47-го ГОДА

Набок фуражка с околышем.
Шаткий — в обнимку — заплот.
Месяц встает или солнышко?
Рекрут никак не поймет.

Ну, земляки, и «уважили»!
Что? Собираться пора?
Ветры гудят не «по — нашему»...
Петь или плакать пора?

Эх, деревенская волюшка!..
Родная мамка, прощай!
Милка, ядреная дролюшка,
верность хранить обещай!

И — расставанье на росстани...
«Ну, возвращайся живой!»
Плачь — «Сохрани тебя, Господи!..»
Удаль и стон ветровой:

«Д — гори лес, д — гори поляна,
д — гори самородина...
д — я на службу д — уезжаю..
да — д — до свиданья, родина».

1998

ВОСПОМИНАНИЕ О МАЛЫШОВКЕ

В Малышовке избы — из осины,
бани по — над речкой — из ольхи...

В Малышовке небо — синим — сине!
словно взгляд у молодой снохи.

В Малышовке воздух чистым — чистый,
вкусный — как вода из родника!

В Малышовке девки — голосисты.
Парни — малолетние пока...

В Малышовке лапотки — из липы,
школьные чернила — из крушин.

Бабы причитания — со всхлипом.
На гулянках песни — из души...

ДОМ НА БЕРЕЗЕ

Мы на Троицу с дружкой
в березовой кроне
из ветвей свивали дом,
были как на троне.

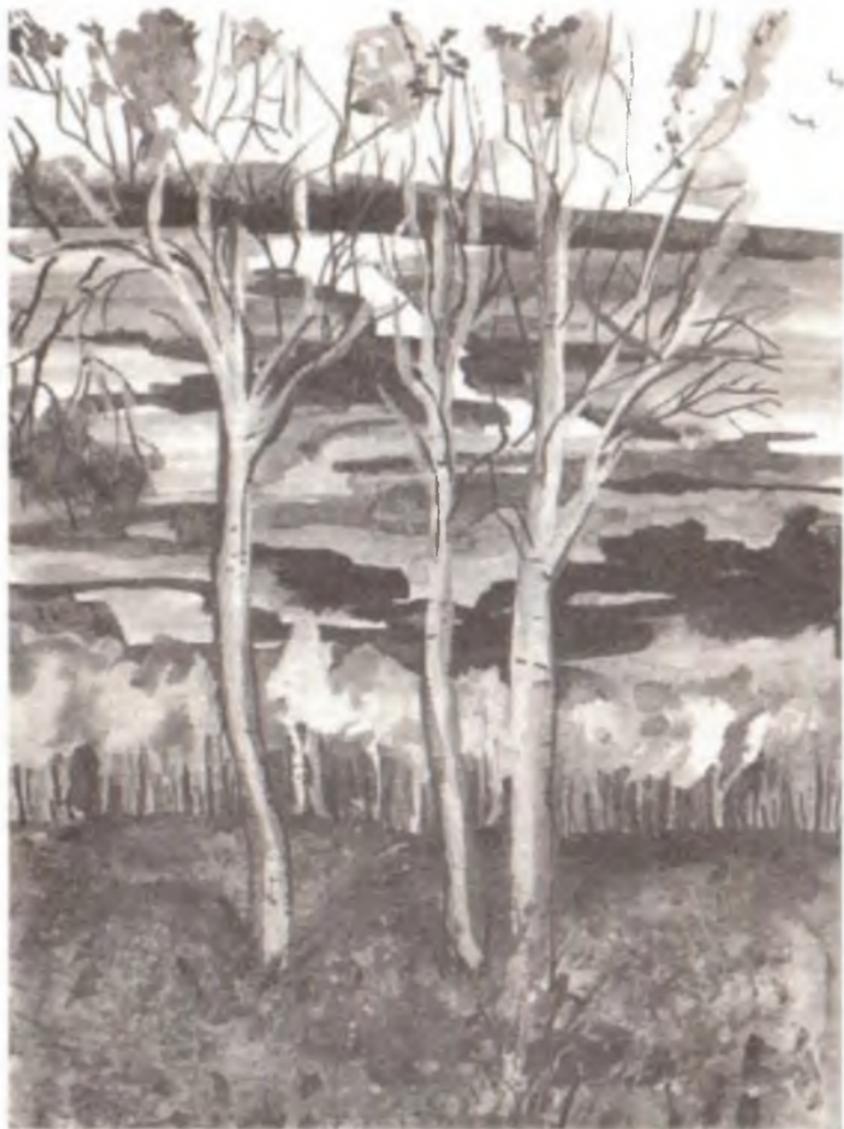
Свежий ветер нас качал,
щекотал листвою.
Друг протяжно напевал:
«Конь, лети стрелою!..»

Взволновал напев меня
непонятной грустью.
До сих пор летит, звеня,
конь стрелой над Русью...

1999

РОДНИЧОК

У родничка, как у колодца,
встречались утром малышейцы.
И представленье у меня
сложилось в детстве:
тот родня,
кто воду брал здесь
ключевую,
незамерзавшую,
живую...

Все на родине мило..

Проплыл однажды грустный иван — чай
в окне вагона на разъезде дальнем —
и я обложен данью невзначай:
плачу ее
своим воспоминаньем.

Осенних дней мелькают жемчуга.
Ночей графит все мягче и жирнее.
Рисую нынче твой портрет,
чудак:
чем дальше — некрасивей,
но вернее.

Убрать бы мне в запасник этот лист.
И выспаться...
Но я тобой разбужен:
графит ночей
холодно — серебрист,
к рассвету ближе — матово — жемчужен...

1989

ПРИЗНАНИЕ

Этот глинистый берег крутой,
в кедраче, будто в шубе бобровой,
тальниковый, далекий, другой,
где протока блестящей подковой —
этих вод величавых поток,
серебристо — зеленых на стрежне —
позабыть я в разлуке не смог,
возвратился к ним — прежний!

И хоть трудно узнать берега,
где кедрач будто моль источила,
но земля эта мне дорога!
Все на родине — мило!

СУРГУТСКИЙ ДИАЛОГ

— Здесь аврал в любое время суток:
не пожар, так баржа с кирпичом.
А в столовке вечно кроме супа
да тушенки... Очередь еще...
То мороз, то грязи по колено...
Нет жилья, житья от комаров...
Пусть другие топают на смену:
я наелся, во! Бывай здоров!
— Говоришь ты складно, словно пишешь,
так, что против нечего сказать.
Только разве ты уже не слышишь?...
Да разуй ты буркалы — глаза:
«Над тайгой гудит веселый ветер,
дыбит волны штормовой Оби.
Города рождаются, как дети,
от любви!..
Для одних они потом — морока!
Их бросают, словно малышей.
Город наш, болезненный до срока,
заревел в пеленках чертежей..
Мы его уходим и угоим.
Не по дням потом, а по часам
будет он вздыматься над тайгою
и по — детски улыбаться нам!
Уезжай! «До дома и до хаты!»
Уезжай!..
Но сердце защемит:
места не найдешь себе тогда ты
и — вернешься...»
— О!.. Да ты — «пиит»...

1965

Медленные сумерки России,
предвещая грозовой рассвет,
окоем кроваво оросили, —
ни рассвета,
ни расцвета
нет.

Медленные сумерки России...
То — рассвет иль лунной ночи сень?
Меднолобых мы превозносили,
наводивших тени на плетень.

Медленные сумерки России..
Сколько раз пытались соловьи
одолеть вас —
не хватало силы,
в клетки попадали — из любви.

Медленные сумерки России —
занавесов, катаракт и шор —
сумерки тревожные, косые...
Чуть развиднелось с недавних пор!

Медленные сумерки России!
Черный цвет
и серый...
Надоел!
Сумеречный страх в душе осилим:
жизнь при солнце — вот он, наш удел.

ЕРМАКОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

На Ермаках такое разнотравье!..
На севере ли, полно, нахожусь?
Не знаю, как здоровье травы правят,
но душу исцеляют,
дарят грусть —
вот по такому ж разнотравью
детства,
где первоцвет, дубравка и чабрец —
Цветочное, зеленое наследство!
Его хранить мне завещал отец!
Иван — да — марья... мятлик... кровохлебка..
Благословенна будь вовек трава!
Кишит в ложке
веселая «похлебка»,
и от пыльцы светлеет
голова..

1982

Идут два друга... Может, я и ты?
Мы чем — то так на них с тобой похожи:
с одной скамьи... и не видались тоже
Давно. И вот — не перейдут черты!
Признайся мне, ты знаешь почему!
Ведь тот, что руку положил небрежно
другому на плечо, похлопывая нежно,
не только не завидует ему —
сочувствует!
«Ну что же ты, старик!
Тебя житуха крепко потрепала!
Давай ко мне, пока не все пропало:
пока в тайге ты к водке не привык!..»
«Не все пропало...» Зло меня берет:
А если ничего не пропадало?!
А если жизнь вручала, как подарок,
день завтрашний — сегодня, наперед?!
И дни срывались, как с календаря
листки рукой — без трепета и дрожи —
и праздники и будни — каждый прожит,
вот именно на Севере! —
не зря!
Поэтому теперь обская хмарь
и для других —
родных краев угодней!
...А этот, нежный,
он — тот календарь,
и новенький, да прошлогодний...

1968 — 1972

«ДЕРЕВЯШКИ»¹

«Деревяшечки» ль вы мои, «деревяшечки»!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет!
Как мгновение...
И другое живет поколение!
Свой всему черед и всему свой час:
нас — на пенсию,
под бульдозер — вас...
Может, станете вы
«фазендою»,
ну а мы?.. Даст Бог,
мы — легендою...

¹ «Деревяшки» — двухэтажные брусчатые дома.

Поднимается туман
над болотиной.
От багульника дурман
до тошнотины.

Рядом лось трубит:
выходите, мол!
Ветер Обь рябит
досадительно.

Обласок юлит,
воду черпает.
Буруны на мели.
Берег с вербами.

1998

...

На сугроб декабрьского дня
опустились стайкой свиристели.
Замелькали, весело звеня,
солнечными зайками
среди елей...

А один храбрец,
не будь дурак,
подлетел к балку, сел на окошко,
постучал в стекло
там, между рам,
как в витрине — пауты и мошки!

...дали крошек — есть не стал он крошки.

Ветерану хочется поймать белку,
сделать свисток,
купить «Барби» и «Денди» внукам;
сторожить дачу,
возделывать огород,
опрыскивать посадки ядохимикатами,
топить баню,
разжигать мангал для детей,
когда приезжают они с внуками
и своими друзьями,
лишь бы не оказаться
во Дворце для престарелых,
где за ним будут ухаживать
сиделки.

1993

Время летит,
 разделяясь на две половины:
 прошлым и будущим их называют всегда.
 С прошлым я накрепко связан своей
 неотмершей еще пуповиной,
 с будущим — только мечтами,
 что шлет, как лучи, мне звезда.
 С каждым мгновеньем
 (это мгновенье зовут настоящим!)
 неравенство двух половин временных
 человек ощущает сильней.
 ...Если б замкнуть их в кольцо
 некою силой животворящей,
 стало б мгновенье тогда
 вечности вечной длинней...

1993

ОПОРА СТРАНЫ

На таких мужиках: простоватых,
некрасивых, «чумных», рябоватых...
Чуть поддатых, заросших, кудлатых...
В кирзачах, телогрейках, халатах...

На угрюмых, сноровистых, хватких,
на любителей правды несладкой...

Молчаливых, пытливых, смешливых,
совестливых до рези в глазах,
на святых —
пока держатся нивы
и заводы в больших городах!

ТО ЛИ ДЕНЬ, ТО ЛИ НОЧЬ..

Сладкий — багульника, терпкий — черемухи — запах.
Глыбь или высь — мне уже ничего не понять.
Я заблудился совсем: где восток, а где запад?
Белая ночь это или затмение дня?
То ли день, то ли ночь, то ль затмение?
Моя лодка плывет по течению.
Вниз по Меге плывет моя лодочка,
а напротив меня — мегionoчка!
Я — мегioнец! И этим все сказано, братцы!
И мегioнцы — родня и враги, и друзья.
Я — мегioнец, и должен вам честно признаться,
что в МЕГИОНКУ влюбился без памяти я...
То ли день? То ли ночь? То ль затмение?
Моя лодка плывет по течению.
Вниз по Меге плывет моя лодочка.
А напротив меня — мегionoчка...

НА РЫБАЛКЕ

Тишина морочная над сором.
В мегиионском небе дымный смог.
Посижу еще над косогором,
погляжу на сонный поплавок.

Разведу у самого уреза
светлый костерок из плавника.
На душе обидчивой порезы,
может, зарубцуются слегка.

Замену наживку и закину
снасть подальше — так, чтоб чмокнул груз.
Подложу трескучую осину
в свой костер, а вместе с нею — грусть.

А когда осина разгорится,
искры в синий сумрак полетят,
может, и тебе вдруг загрузится,
если ты на Мегу бросишь взгляд?!

Тишина морочная над сором.
Обложил закат лиловый смог.
Выхожу я в город косогором...
Ты летишь навстречу со всех ног!

СЕРЕБРЯНЫЙ ДЕНЬ

После мрака слепых непогод,
Затяжных, ураганных и вьюжных,
совершается солнца восход
в облаках серебристо – жемчужных,
Серебристо – сиреневый день
занимается над Меггионом.
По снегам переливчатым звень
вперекличку с серебряным звоном.
Мир вокруг и прекрасен, и нов,
воробей соловьино затенькал!
Перламутровых столько тонов!
Сколько всюду жемчужных оттенков!..
Бахрома, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
...и моя — в серебре! — голова.
И лишь голос простуженно резок.

Город наш пока что пыльный очень.
Новые построим мы иначе:
что ни город — зеленее Сочи!
А пока — все тянутся на дачи.

Ну и пусть! А мне, всего приятней,
леса бескорыстного объятья!

В нем живу без гнета стен и крыши,
чувствую: с природой в резонансе
сердце бьется, грудь спокойно дышит,
и с души грехов сползает панцирь,
как сползает ржавчина с железа...
Я — древянин, сын земли и леса.

г. Уфа. Воронки.

1956

В ТУНДРЕ

От морозного ветра
ломило в висках.
Снег был жестким и драил
не хуже песка.

Как по льду, по застругам
скользил вездеход.
К новым ветрам и вьюгам
дымился восход.
А до базы — разведки —
далек — далеко...

Ни былинки, ни ветки...
И все же легко
держит курс мой водитель
в сплошном молоке.
Видно, ангель — хранитель
где — то невдалеке.

УТРОМ НА ВАХЕ

Стояли около причала
моторки — их волна качала...
Вдруг врассыпную все летят,
как стайка испугнутых щурят.

НА ТИХОМ ОЗЕРЕ

Над Тихим озером ольха...
Ольха над тихим озером
свои зеленые меха
чуть тронет утром розовым.
И рябь по глади пробежит,
волна по лодке сбавляет.
Рыбак очнувшийся ворчит:
«Проспал зарю рыбацкую...»
За Тихим озером сосна...
Сосна за тихим озером
ярко – зелена и красна,
как медь, когда в ней прозелень.
Над Тихим озером заря...
А за горою Светлою
бросает солнце якоря,
придя из кругосветного.

ШАГИ

В тайге отличная акустика,
когда мороз под пятьдесят.
Нога на снег едва опустится,
и словно скрипки зазвучат.
Смычки то разом закольшутся,
то запоют наперебой...
По всей земле, наверно, слышатся
шаги идущего тайгой.

СОЛНЦЕВОРОТ

Перевалил декабрь. И вот
разверзся сам собой
Ярилы огненный восход,
свод неба голубой.

Видней и облачка полет,
и самолетный шлейф.
Светило высоко взойдет
и ляжет в долгий дрейф.

И будет день в тайге тогда
под стать масштабу дел.
Идет горячая страда.
Един у нас удел.

...

На Урале буйны грозы.
И в одну из этих гроз
с плачем рухнула береза,
изронив немало слез.

Там, где канули слезинки,
в теплом сполохе зарниц,
изнавесились корзинки
разноцветных медуниц.

Не топчи ботинком модным,
обойди чуть стороной:
медуницы пахнут медом,
пахнут майскою грозой...

РЕЛИКТЫ

Весенний кедр метелки распушил,
как будто вместе с глухарем токует!

Какие он морозы пережил!
Недавно бурю выдержал такую!

И он теперь ликует — как глухарь,
ввысь тянется, смолой изнемогая...

Но, изрыгая сизый дым и гарь,
свой ток творила рядом жизнь другая!

И ТОЗовки отрывистый хлопок
заглушен был одышкой железа.
Глухарь свалился прямо на капот
бульдозеру — тот

кедру

горло

резал...

1993

УГОДИЯ ЗИМЫ

Весна рождается на юге,
гуляет в средней полосе...
А здесь и в мае могут вьюги
свою продолжить карусель.

А им и есть где развернуться:
от наших северных снегов
меридианы даже гнутся,
и льды стоят у берегов.

В КРЕЩЕНСКИЙ МОРОЗ

Стекла в окнах балка —
вроде плотного белого фетра.
За стеною зима
продолжает вовсю лютовать.
Хоть бы каплю тепла
иль перо сыроватого ветра!
Дай Бог, к Сретенью лету
хотя бы писульку послать.

А мороз, будто спирт, —
леденит, обжигает и сушит.
Так и лезет с иглой
в потаенные недра нутра.
На открытом юру
каменеют и губы, и души.
Вот когда нет милей
ничего, кроме пыла костра!

Постою у огня
и на время про возраст забуду.
И привидится мать,
как вела меня в храм на заре.
На далеких крестах
солнце плавило божью полуду.
И крещеным домой
возвращался я в свой Назарет.

В СТАРОМ СУРГУТЕ

Наши первые коттеджи
так светло смотрелись
прежде,
но за тридцать с лишним лет
потеряли цвет,
лишь свет,
исторический,
незримый,
ореолом,
как над Римом,
над постройками тех лет...
...а иных уж вовсе нет.

Этим розовым утром
я совсем заморожен.
И, вбирая зарю,
сердце громче стучит.
Безотрывно люблюсь,
Как из облачных ножен
золотой богатырь
мечет книзу лучи.

Солнце стрелы вонзает
в задремавшие гривы,
и в глубины озер,
и в вихры лозняка.
И снега обращаются
в звон гомонливый,
обряжая тайгу
в навесные шелка.

В отворившемся небе —
снова краски апреля.
Окунают ветра
в них мохнатую кисть.
Оживают все чувства,
что зимою лишь тлели.
Вот все это и есть
гимн по имени Жизнь!

ОСЕНЬ НА ВАХЕ

Морозная ясность в природе.
И с небом налажена связь!
И слякоть душевная, вроде,
надолго ли, нет? — улеглась.

Прозрачен над берегом воздух.
Сора широки, глубоки.
И уток отъевшихся, поздних,
доносится гомон с реки.

Сквозисты вершины деревьев,
кедровник лишь чуть поседел.
И тетерев, словно издревле,
молчит и не верит, что цел.

Глядит на излучины Ваха,
на строчку дороги лесной.
А нефть, что не ведает страха,
вздымается над глубиной...

ОТЛЕТ

Будто щепками пня играет медведь:

кры — кры...

Только под серо — сиреневый купол ему не взлететь:

нету крыл.

Это лебеди медленный делают круг:

кружат

над озером, где вывели они — не вдруг! —

лебежат.

Поднимаясь все выше и выше спиралью —

из глаз

исчезают они за сиренево — серой вуалью.

«Ждите нас!» —

выпавшее, словно перышко, из застрехов небесных крыш...

ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

В окне — герань и фикус, коврик бедный,
резной комод, продавленный диван:
полвека прослужил он беззаветно
и, значит, как хозяин, — ветеран.
На стенах фотографии. В серванте
со снимками есть плюшевый альбом,
там — барышня тоскует о сержанте:
с прическою и в платье голубом.
По настроенью, — тоже, вроде, мода,
здесь крутится трофейный патефон.
И слушают, хоть нравится Кобзон,
речь — с паузами... Речь вождя народов...
А рядом — дом — «хрущевка». На гитаре
Там внук бренчит про бой на Кандагаре.
А правнук сочиняет песнь свою:
про Гудермес, Шали и Хасавюрт...

1996

Возноси ты не очень свой нос,
мол, не страшен таежный мороз!
И не шибко выпячивай грудь,
что наградой отмечен твой путь.
Здесь у каждого — гордость и высь,
ну а проще — обычная жизнь.
Если делаешь дело, любя,
люди сами заметят тебя.

На житейских ветрах
(пронические стихи)

Что такое «мастер»? Это — «горло»,
могущее взять любую «ногу».

Что такое «мастер»? Это — «ноги»,
что, бывает, к «генералу» вхожи...

Что такое «мастер»? Это — все же! —
МАСТЕР, — держит ли он вожжи,
«мастерок» или учит подмастерье,
скот пасет иль добывает зверя.

1995

Я ходил вокруг да около,
говорил не те слова.
Мое чувство очень ломкое,
как ольховые дрова,

колуном они не колются,
целиком идут в огонь.
Поброжу я за околицей.
Ты меня пока не тронь.

Пар курится над излукою.
Ивы, словно ковыли...
Я довел себя разлукою:
хоть коли, хоть вдоль пили!

1998

Эх, ты, ваховская жизнь,
в крапинку, в полосочку.
То тоска, хоть в гроб ложись,
то — как принял «соточку».

Эх ты, ваховская жизнь,
туесок с утрускою.
Ваховчановка, кружись!
Правим свадьбу русскую.

Эх, ты, ваховская жизнь,
издали приманная.
Сколь по свету не кружись, —
манит, окаянная!..

Словом, так! Земляк, держись:
то бетон, то досочка...
Будет, будет наша жизнь —
светлая полосочка.

1994

У Анечки тонкое личико,
и выраженье всегда
отчаянно храброй птички,
внезапно
взлетевшей
с гнезда.

Р-31 Юная
1986

Мы в тайге дороги строим,
строим вдоль и поперек.
Скоро всю Сибирь покроем
сетью каменных дорог!
Будут всюду переправы.
Даже Обь нам не межа!
Хочешь — влево, хочешь — вправо,
хочешь — прямо поезжай!
Хоть куда! Была б охота:
на четыре стороны!
Можешь ехать на работу
или — к теще на блины!
Можешь ехать днем и ночью,
от зари и до зари...
Только нас, друг, между прочим,
изредка благодари,
что тебе дороги строим
так вот: вдоль и поперек,
чтоб колонной четким строем
прикатить в Сибирь ты смог.

Сани. Оглобли. Дуга и хомут.
И не заметишь — тебя запрягут.

Черезседельник. Подпруга. Супонь...
И не почувешь, что ты уже конь.

Кухарка — осень, словно в скороварке,
сварила в одночасье борщ по — царски:
в кипящем вареве краснеют жарко
осины помидором краснодарским.

Свеклой рябина светится багрово,
а то оранжево, как нантская морковка;
черемуха, как баклажан, лилова...
У осени завидная сноровка:
на озере, как в сковородке шкварки,
пощелкивают клювами казарки...

МЕСТЬ СВОЯКА

— Что за визг на буровой?
Дизелей не слышно!
— Это к нам из тьмы лесной
наважденье вышло.
— Ну тогда чего кричать,
коль креститься надо...
иль молитву прочитать
от дурного взгляда.
— Может, это к нам — шатун?
Лось? — ведь время гона...
Оказалось — то дристун
(после самогона,
что прислал ему свояк,
подмешав пургена —
мстил свояк жестоко так
за жены измену).

1998

Всем казалось: был я, как открытка,
яркою картинкой, на виду.
И никто не думал, что улиткой
запросто от них —
в себя — уйду...

1997

Тяжело тебе придется без меня:
будет некого тебе обвинять.

Ни разборок полуночных, ни ссор:
без дровишек — какой же костер?

Ни обманов, ни подначек, ни обид.
И от страха за меня не знобит.

Тяжело тебе придется без меня:
будет некого ругать, погонять,
будет некому пенять,
будет некого обнять,
понять...

И нельзя будет узнать
ни наяву, ни во сне
кому тяжелей без меня:
тебе?
или мне?

1998

ЭСТАФЕТА

Еще вовсю листва лопочет
свои осенние слова,
а рядом с нею
 новых почек
уж появилась буква «А».

Предупредительна природа.
Все мудро в ней не напоказ.

...Хотите продолженья рода?
Так начинайте с буквы «Аз».

КОММЕНТАРИЙ К ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕ

«Каки—таки нишши?! Ничё не поймешь!
Гли—ко: с ногами... с руками!
Пуза—то како! раздавишь, чай, вошь.
Не просят, вить, рвут матюками!

Бесстыжие рожи!.. А булготни,
как будто потоп случился.
Да этого б нишшаго — на трудодни!
В колхоз!.. Вот тады б посучился.

А эти—та... Как на пожаре, блажат
да мором Расею пужают...
Да вона: валки—то под снегом лежат,
увесистый был, урожай—от...

Да гли—ко, ты, гли!..

Ах, едрёна ты вошь,
подай ему «снихерс» в бумажке!
А пареной репки, касатик, не хошь?
А полбенной постненькой кашки?..

Какой—такой голод?.. Че Бога гневить?!
А то и взаправду рассердится, вить...»

**НА ГОМОЛОГИЧЕСКИЙ РЯД:
ВКП(б), КПСС, КПРФ**

Я устал от больших дорог
в КОММУНИЗМ
под руководством Партии.
Под знаменами на ветру продрог.
Не хочу Программу, хочу — Хартию!

Я устал...
Ну зачем мне Устав?
Без призывов пожить мне хочется
в одиночестве —
без человечества!
Захотел — поработал,
захотел — поспал...
Дома...
Дома — в своем Отечестве.

1995

Нет, спокойно тебе не живется,
сплошь какой — то душевный надрыв.
Впереди — чтобы жуткий обрыв
иль туннель: встречный поезд несется,
свет внезапно собой перекрывает...
Сердце птахой испуганной бьется.
А тебе все нейдет, нейдет.
...До поры, до поры, до поры.

1999

ИРОНИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Бытует мненье, будто все поэты,
после утех любовных и пиров,
едва в руке окажется перо,
тотчас желают рассказать про это

и — непременно! — формою сонета.
Есть «contra» мненью этому и «pro»¹:
уж коль кого ударит бес в ребро —
напишет он катрены, триолеты...

Но... если у кого занает печень,
с утра известный явится синдром —
поэту же и подлечиться нечем,

а на душе Гоморра и Содом? —
себя закрытым судит он судом
и зажигает покаянья свечи...

1999

¹ Contra — против, pro — за.

ОСЕНЬ В ПРИЮТОВО

Жаркий багрянец осин.
Ночи холодные очень.
Узкими лентами синь.
Ты приближаешься, осень...

Гром из — за туч не гремит.
В логе — ковыльная просесть.
Кончился лета лимит:
ты приближаешься, осень...

Лес обесптичел — немой.
На дискотеке поют, но —
я уезжаю домой:
осень.
К тому ж — неприятно!

* * *

Князи Галицкие ныне
рвутся к власти напролом:
кто — с лутошкою из тына,
кто — с оглоблей, кто — с колом...

Где князь Игорь? Он — в неволе!
Русь сиреет: сирота...
Ярославна плачет в поле
на развилке
у креста...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Равнинные медлительные реки
вскрываются неспешно, широко —
так, потянувшись с хрустом,
глубоко
вздохнув, мы открываем утром веки,
позевывая сладко...

Марафет

наводим полный и уже готовы
день начинать с весенней песни
новой:

жмем на «зеленый» —
коль затора нет.

1999

Теряем где — нибудь полушку,
просыпем табаку понюшку —
и нам потерянного жаль.
А убегающее вдаль,
текущее меж пальцев время
не ценим... Превращая кремень
в песок, искры не высекаем...

Как будто бы неиссякаем
и вечен жизненный родник,
а ты — навек к нему приник.

1999

ГОРОБЕЦ

Спозаранку мастер будто заводной!
Лишь к обеду пот смахнет со лба рукой
и заметит: сколько света нынче — всклень!
По — весеннему сегодня яркий день.
В круговерти зиму все — таки прожил!
Вдруг откуда — то веселое: жив — жив!
Оглянулся — видит: рядом на трубе,
охорашиваясь, живкал... воробей!
Настоящий нахаленок городской!
И растрогался тут мастер:
— Жив — живой?!
А откуда ж ты в тайге, родной такой?
Иль вахтовым тоже методом летать
приловчился — нам в работе помогать?
Коли так, тоби дякую, сорванец,
птаха Божия, веселый горобец...

1984

ПУРГАЙСКАЯ БАЛЛАДА

На перевоспитание тунейдок
саратовских
прислали к нам косяк.
Сам по себе сей факт —
вроде, пустяк,
но... плод грехопадения сладок, —
и жизнь пошла вдруг
наперекосяк.

Все дело было в женском дефиците.
А тунейдки были хороши!
При дефиците — разве до души?
Парней вы наших строго не судите,
не поработав года три в глуши.

«Гудели» даже лучшие бригады.
Срывались вдруг степенные «деды»!
И жены их, в предчувствии беды,
паниковали: «Чтой — то делать надо...
Начальство — то у них глядит куды?!»

Начальство воспитаньем занималось,
грозило увольнением по КЗОТ...
Но получилось все наоборот:
смеясь, одна красотка раздевалась:
«А ну, начальник, гли — ка, чья возьмет?»
Ретировалось, матерясь, начальство,
ослепнув от нахальной наготы.
«Куда ж ты, — вслед неслось, — сымай порты!
Не убегай от собственного счастья!
Смотри, «кудрявый», пожалеешь ты!»
...Во взрыве есть порядок, ну, а люди

промеж собой порядок наведут:
ведь главная потребность все же — труд!
«Погужевали малость,
ну и будя!
А то ведь нас... в Саратов упекут!» —
один,
другой — сказали тунейдке.
Иная и задумалась всерьез:
ведь кроме стаканов и папирос,
держали ж руки книжки
и тетрадки,
и возникал —
«зачем живешь?» —
вопрос...
Начальник первый, не пугаясь сраму,
что тунейдкой злостной покорен,
на ней женился...
Все как в мелодраме!

Два наших парня сгнули — бичами.
Потери были,
в общем,
с двух сторон...

Сургут, Салехард
1963, 1972

Путьем раскаяния

Милые березки! У меня
легкая рука, наверно, все же:
как вы в рост идете, затеня
мне окно зеленою мережей!
По соседству шелковистый кедр —
как мальчишка, приотстал он в росте.
А под ним шиповник в холодке,
с юношески неколючей остью.

Те, кто забывают доброту,
вряд ли на нее способны сами...
Мне ль забыть ржаную корку —
ту,
поданную легкими руками?..
Почему ж бегу я от людей
в этот длинный день
солнцеворота?
Я ведь не лентяй и не злодей:
знаю жгучесть слез
и сладость пота.
Но все чаще чувствует ладонь
сердце — набухающее почкой...
Я полью вас, милые, водой
дождевою из дубовой бочки, —
Примите ль меня в свою юдоль
боковым
прикомлевым росточком?...

Давненько я не видел ледохода!
И в этот год, хоть ждал, не довелось:
трубит на рейде ледокол, как лось,
рогами в лед уперся, клацнув — с хода.

И крошится ледовая броня,
но все ж сопротивляется местами.
Русалки снизу бьют о лед хвостами,
но капитан — он глыба! — не пронять.

И ледокол, всхрапнув, идет с разгона,
волну с ледовым крошевом подняв...
И чист фарватер к середине дня.
Как льдины —
облака лишь с небосклона...

1999

Разливается Вах
 по сорам и по урьям.
Меж подтопленных грив
 на токах косачи.
Золотится вовсю
 на заре Охтеурье —
чуть упрутся
 в сосновые избы лучи.
Бьется в берег весна
 полой вахской волною,
гонит выводок лодок
 рыбацких в затон.
Чу!.. Мотор застучал
 монотонно желною...
Кто — то тихо сказал,
 вроде как сам с собою:
«Золотой... Начинается
 век золотой!»

1999

ОТ ПОКРОВА ДО ПОКРОВА

От Покрова до Покрова
два волшебных рукава:
мах одним — белым—бело,
землю снегом замело...
Мах другим — из рукава
изумрудна мурава.
Вся в заботах голова,
От Покрова до Покрова —
то страданья, то страда...
Вот и голова седа.

ЧУДО

В години горестей народных
как не поверить в чудеса!

В предчувствии зимы холодной,
гляжу с надеждой в небеса,
молю: «О Боже, наш Спаситель,
разверзни синий небосвод
и заberi в свою обитель
меня и сирый мой народ...»

Молю: «Спаси, о Божья Матерь!

Яви свой светоносный лик!...»

И — чудо! —

с вышней благодати —

ответом! —

лебединый клик!

ПРИОБЩЕНИЕ

За руку тянет, щекаста, румяна:
«Ой, посмотри — ка, какая поляна!
Сколько цветов!»
...шуршат стрекозы.
Шмель заурчал, опустился на кашку.
Не шелохнутся над нами березы.
И глаза у нее — голубые ромашки!
Смотрит на мир она в изумленьи
и не моргнет ресниц лепестками...
Ради таких вот счастливых мгновений
сеется хлеб,
долбится камень...

Было бабье лето на дворе,
только дождик сроки перепутал:
моросью парной весь мир окутал.
Вот в такие «мокрые» минуты
встретились с тобой мы в сентябре.
Были в октябре деньки зато —
будто летом, с солнечным приглядом!
Ты меня в те дни молила взглядом:
я хочу с тобой быть вечно рядом,
отыщи в своей душе затон!
Что ж! Живи... Пока пурга и вьюга
будут выть и с ног меня валить —
будь в душе моей. Лечи недуги
иль колдуй над квадратурой круга...
Можешь просто паруса смолить.
Март пришел... Весны почуяв смуту,
ты на легкой брезжущей заре
уплыла...
И снова перепутав
все мне в жизни, —
верю почему — то! —
ты вернешься
в нашем сентябре...

Я тебя забывать погожу:
еще пахнут тобою подушки,
и волос твоих солнечных стружки
то и дело еще нахожу...
Я тебя забывать погожу.

Я тебя забывать погожу...
Не подумай, что просто не в силах!
Специально твой маленький снимок
я в нагрудный карман положу
и тебя забывать погожу.

Я тебя забывать погожу,
хоть, наверно, не свидимся боле...
да, видать, не осилил между,
но тебя забывать погожу!

Я тебя забывать погожу...
Но и так убиваться — не дело!
Будет трудною эта неделя.
Что скрывать? Все понятно ежу!
Потому я чуть — чуть погожу.

Погожу... И в окно погляжу:
облепили рябину синицы...
Ах, как хочется вусмерть
напиться...
Но пока погожу.
Погожу.

СВОЙ

Уж Рождество, а так морочно.
Где ж он, рождественский мороз?
В теплынь такую правомочно
встает вопрос.

Неужто сбился ход планеты,
и на последнем рубеже
все отменяются приметы,
и не в России мы уже?!

ПИЛАТ

Прокуратор вдруг ожил —
и, видать, неспроста,
сбросил дьявола кожу,
обрядился в Христа.

Всех он адом пугает
и к смиренью зовет.
Наперед все он знает,
чего хочет народ!

Он сменил атрибуты
и привычный словарь,
а уздечку и путы
приготовил, как встарь.

КАНУН

Последний летний день,
он зыбок и туманен.
Светило, отрешась,
глядит вполупригляд.

Последний летний день
обманчив и желанен.
Но он почти уплыл,
как облачный фрегат.

Машу ему рукой,
шепчу набор привычный
прощальных тихих слов, —
едва ль кому слышать...

И вот сошла заря
над кромкой пограничной.
И осень ходит
гекзаметром стиха.

ОТПУСКНОЕ

После тряской грунтовой дороги
по бетонке лететь — благодать!
Распрямить благодарственно ноги
и с попугачиком вволю болтать.

А потом обнаружить в задремье:
жизнь прошла — будто брал напрокат
эти годы на краткое время,
и теперь — отдавать их назад.

Облака — словно легкие тени
трех десятков промчавшихся лет...
Все отдал «нефтеносной Тюмени»,
а на отдых — и времени нет.

ЗАКЛИНАНИЕ

Словно в голод краюшкой хлеба,
не погребуй ты мной, не погребуй.

Если станет с овчинку небо,
ты востребуй меня, востребуй.

Утолю все твои печали,
коль покличешь меня ночами.

Где бы не был я, где бы не был,
ты востребуй меня, востребуй!

ОТТЕНКИ ЗАКАТА

Памяти В. Агатова

Закат на оттенки богат,
а те — на приметы в народе.
А вот инкарнатный закат, —
к какой, интересно, погоде?

Уж больно тонки в нем тона:
румянец, чуть — чуть золотистый,
бледнея, меняется на
бескровный, а тот — на землистый.

Таков же, видать, переход
оттенка к оттенку и в жизни.
Давно ли был юным!.. И вот
о друге я плачу на тризне.

* * *

Богоявление... Сон... Пробуждение.
Ощущение счастья в груди:
будто чудное перерождение
ожидает меня впереди.

Будто стану красивым, здоровым...
Позабуду про лень и ложь...
Буду сено готовить коровам,
сеять просо, гречиху и рожь.

Выступать буду гордо и прямо,
ни пред кем не клоня головы...
Не упьюсь медовухой пряной
на Кузминки у хитрой вдовы.

Не похвастаюсь, не приукрашу
ни минуты из жизни своей...
И засватаю Мотькину Глашу —
буду жить душа в душу с ней.

* * *

Тихо и грустно. А снег
падает редкий и мелкий.
Кто — то рассеянно — меткий
в душу кидает мне смех.

Тихо и грустно... Но вдруг
что — то во мне совершилось,
сердце в волненьи забилося...
Как все прекрасно вокруг!

Мелочен быт. У забот
мелочна тоже основа.
Главное: хочется снова
жить! Да поможет мне Бог.

г. Мегион
1998

Стареют не деревья — древесина.
Но и она способна жить века,
когда коснется мастера рука
ее: она — в стенаньи клавесина,

В рыданьи скрипки, в воркотне рожка...

Вот так и мы: все выше, все скорее,
раскидистой... А между тем, стареем,
деревенеем, с хрипами дыша,
и скрытою себя надеждой греем,
что будет петь — хоть в чем —нибудь! —
душа...

1998

* * *

...И однажды — в канун Рождества Богородицы
выпал светлый, погожий по — летнему день.
На душе потеплело, а на тело, как водится,
снизошла на пригревке

блаженная лень.

Сквозь ресницы,

сквозь синь над родимой

сторонкой,

просочился в глаза мои

благостный свет...

Я себя ощутил вдруг счастливым

мальчонком —

на завалинке дома...

которого нет.

1998

ВЕШНЯЯ КРАСОТА

Вах разошелся! Но, кажется, днями
он успокоится. Жаль...
Платье березки в воде приподняли,
пробуют: «Не холодна ль?»

Вах затопил все сора и дороги,
полнится полой водой.
«Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной...»

Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой...
Так бы и плыть мне по Ваху
и ахать,
вешней дивясь красотой!

ОСТРОВ

Пусть остался один только остов,
мертво ставший на все якоря.
Ледоходом израненный остров
не сдается, как крейсер «Варяг»!

И вполне здесь подходит сравнение:
ведь вчера еще стылый, в снегу, —
нынче остров пошел в наступление
и отважно палит по врагу!

Будто он изо всех из орудий,
из великих и малых стволов
колошматит по лезущей груди,
по армаде грохочущих льдов.

А над ним, присмотритесь, не синий,
а зеленых листочков дымок...
Так бы нынче держаться России,
как вот этот речной островок!

СТИХИ ПРО БАЛОК

Помнишь, как мы приходили
после вахты в свой балок,
как соляркой разводили
поскорее огонек?

Знал балок все наши мысли,
знал «дела» Большой земли.
Из него, родного, вышли —
в города, что возвели!

Жаль, что нынче нету с нами
многих — горько знать! — друзей...
Хорошо б теперь как память
поместить балок в музей.

А еще давай, товарищ,
сложим песню про балок, —
вроде песни про фонарик
иль про синенький платок...

Вдали от милого порога
трястись мне вдоволь довелось
по пьяным северным дорогам,
тайгу секущим вкривь и вкось:
пилось и елось понемногу,
но так, как дома, не спалось...

КОГДА ТЕБЕ ГРУСТНО

Когда тебе грустно,
не грусти,
займись чем — нибудь:
считай звезды!
Если их не видно,
считай пальцы,
рассматривай ногти,
может, на них заметишь знак,
предвещающий подарок,
в крайнем случае прикинь —
на сколько микрон или ангстрем
удлинились они,
пока ты их рассматривал.
Или погрузись в себя,
где ты Бог,
президент,
судья,
тренер,
игрок,
зритель, который аплодирует,
свистит,
просит хлеба и зрелищ,
устраивает погромы и революции...
Только не переборщи,
а то могут появиться злость
и тоска по ушедшей грусти.

1996 — 1998

* * *

День — то, глянь, куда с добром:
все покрыто серебром:
там подзор, а тут — узор...
небо — чистая лазорь.
Ветерок — но в заустенье
настоящий бокогрей.
Только жаль, что в запустеньи
уголок сей на Югре...

ВАХТОВЫЙ АИСТ

Я сижу на Аганской горе.
Подо мною река в серебре.

Пламенеет по склонам рябина.
Про Илью вдруг всплывает былина.

На слепой глухариной заре
новый век подступает к горе.

Смог тяжелый втекает в долину...
Стало жутко: скрывает калину.

Улечу до весенней поры
далеко от осенней горы.

А почуяв щемящую грусть,
на Аганскую гору вернусь.

Жив Калинов, наверное, мост
по пути на всемирный погост.

1998

* * *

Простим невольную обиду
да и злорадную — простим
друзьям
и не покажем виду,
что мы страдаем и грустим.

Мы улыбнемся им при встрече
и пожелаем счастья им.
При расставании в этот вечер, —
простим обидчиков, простим.

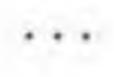
...и, может, станем человечней:
не нанесем обид другим.

1994

Ах, ты, ночка, недотрога — ночка...
Наклонилась ива над водой.
А над нею месяц молодой —
серебристым ивовым листочком.

Затаилась ночка — недотрога:
не вздохнет, листом не шевельнет,
хоть и точно знает наперед —
солнце к ней всегда найдет дорогу.

1998

...Судьба мне выпала такая.
Но я ее благодарю.
Слезам своим не потакая,
с улыбкой жду свою зарю.

Без озлобления, без завидок,
какой я есть — и буду жить!
И вьется волос без завивок,
и голос ясный не дрожит.

Живу — не бедно, не богато...
Но затуманится мой взгляд, —
когда я вспомню вас, ребята,
беспомощных перепелят...

1995

ХРАМ

Там, где вод и леса панорама
уходили прямо в высоту,
у полуразрушенного храма
постигал я сердцем Красоту.

Плесь, словно ризы, золотели
и тянулись в дали зелены,
и неслышно ангелы летели
в тишине сверкающего дня...

АВАРИЙНЫЙ ФОНТАН

Как дьявол лени и беспечности,
Фонтан утробно клокотал.
И был свирепей подлой вечности
его трагический оскал.

Кипела бурно пульпа в кратере.
Росли — с Везувий! — купола.
Он в полночь нас к «едреной матери»
послал уж мирно, не со зла!

И вновь гигантским гладиолусом
он поднимался в полный рост.
Под каской шевелились волосы,
а по спине ходил мороз.

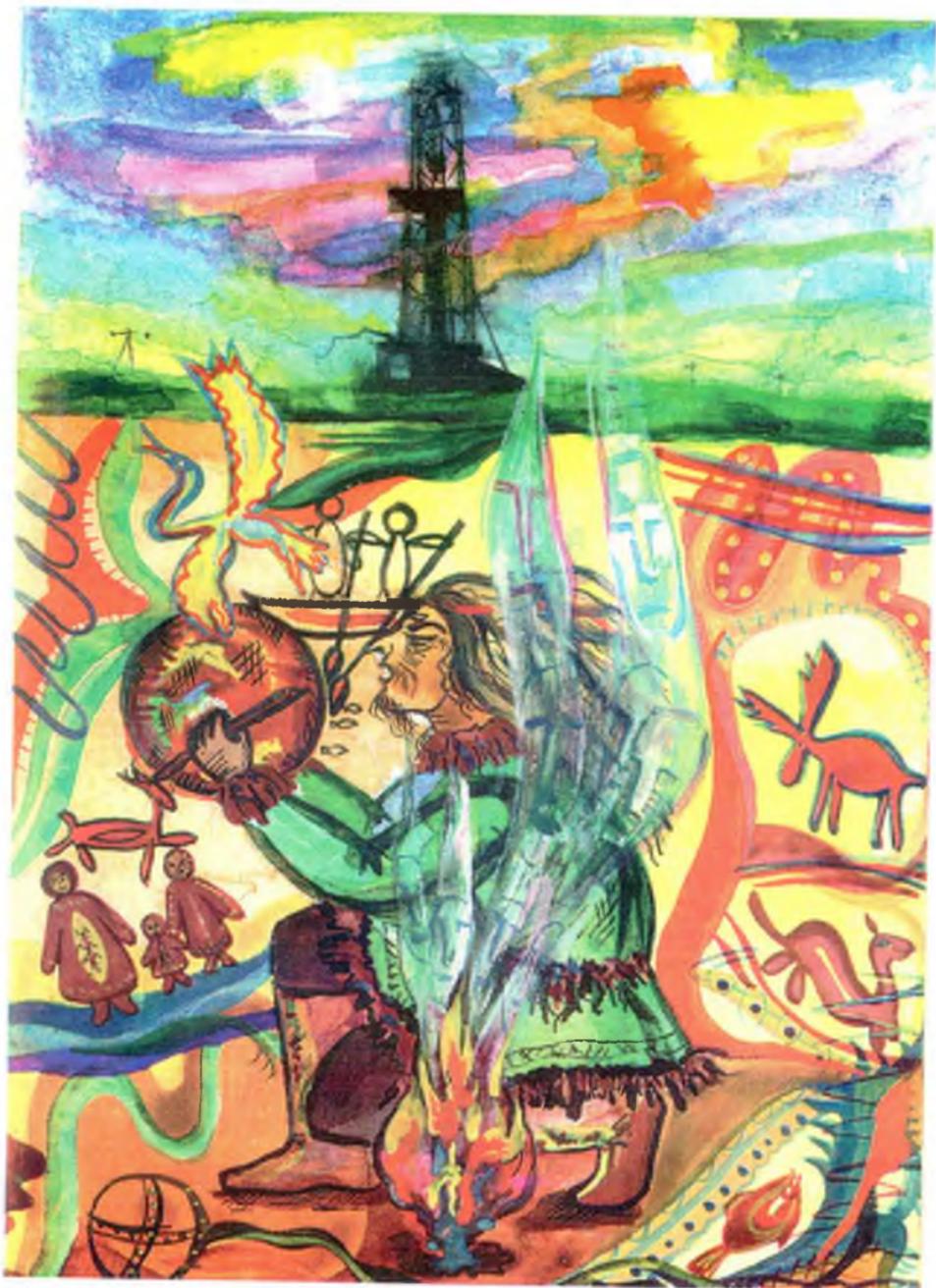
А с кедра нефть на землю капала,
мрачнел он — трагик и поэт...
И мы, трудясь при свете факелов,
не знали — встретим ли рассвет?!

1984 – 1996

ПРЕДВЕСЕНЬЕ

Стали синими черные ели.
И в сугробе, набрякшем водой,
как в волшебной жемчужной купели
окунается день молодой.

А замрет он — такое безмолвье
в сине — розовом и голубом!
Разноцветные микромолнии!
Замирающий микрогром!

Так и не было бабьего лета:
хмурь и сырость...
И только сейчас,
впопыхах, — на Арину, —
просветы
голубые,
как проблески глаз, —
сквозь дрожанье ресниц
насурьмленных,
сквозь закат,
сквозь румянец щеки —
полыхнет, словно выдаст
влюбленных.
...и опять забусуют деньки.

ЗВЕЗДА НАД МЕГИОНОМ

В небе ранняя луна.
Город в серебро закован.
И серебряной подковой
Мега из окна видна...

Милая моя жена,
скоро век настанет новый!
С Рождеством тебя Христовым!
Да пребудет жизнь полна
чистой верой и любовью:
поднялась от изголовья
Вифлеемская звезда!

И, как северным сияньем,
осиянны россияне,
пажити и города...

1993

ОТКЛИК

Невесело в доме. Сомненья
меня одолели совсем.
Как юноша, в страшном волнении
я код набираю «07»...

Ну вот и светлей стало в доме,
не так уж на сердце горчит.
Но... только желанный твой номер
упорно и глухо молчит.

Я напрочь убит и подорван.
И снова — сомненья, мечты...
Тогда перед мысленным взором
безмолвно являешься ты.

Но, Боже, хотя бы дыханье,
хотя бы рыданье яви!..
Запахло твоими духами, —
как ладаном в храме Любви.

НАПУТСТВИЕ

Не осторожно, на носках,
а презирая вечный страх,
ты ногу ставь на всю ступню —
навстречу завтрашнему дню!

1999

УГУТСКИЙ СОНЕТ

Из толстых кряжей рублены дома:
венцов двенадцать — больше и не надо.
Дворы под крышей. Крепкие ограды.
Дрова поленицами: долгая зима!

Уютно — сказочен Угут с холма.
Он мне своим стал с первого погляда,
когда со мною — гидом — встала рядом
завклубом, как волшебница сама.

Какой — то обольстительный дурман
шел из мехов кедрового урмана.
На перекате ворковал Юган,
и доносился голос капитана.

Он звал меня: мол, отплывать пора!
«Плыть иль не плыть?» —
всплывало из нутра.

1961 — 1999

НАПРАВЛЕНИЕ В СИБИРЬ

Как родимый отец, — строго — ректор сказал:
«Направленье в Сибирь

я тебе подписал!»

Подписал? Ну и что ж:

аль Сибирь мне невеста?

Отпашу свой оброк — и на новое место —
приглашали меня земляки в Бугульму.

Подписал? Ну и Бог с ним...

И — быть посему!

Я поехал. Без страха. Без радости — тоже.
Как на встречу с невестой —

рябой иль пригожей?

Был наш ректор жестокий и хитрый мужик:
тридцать лет не прошло — к северам я привык.

Ох, крепка оказалась сибирская сворка!
Я судьбою своей подтвердил поговорку...

Подо мной проплывает матерый кедрач —
от любви разрывается сердце — хоть плачь!
Тот кедрач, как бобер, припушен сединою:
по опушкам березки белеют сквозь хвою...

Изумрудная замша весенних болот...
Одинокий, разбитый донельзя, балок...

Вот и озеро. Формой на сердце похоже.
А на нем — буруны... Или лебеди, может?
Вправду лебеди!.. Крылья — то — как паруса...

Чудо – птица!

Привольного края краса.

...Сколько белых ночей надо мной пролетело
лебединою стаей!..

Голова поседела...

Лишь, как прежде, душа молода. Молода!
Над душою не властны, как видно, года.

* * *

Когда я чувствую, что грешен,
то оправданий не ищу, —
и на судьбу я не ропщу, —
я каюсь, каюсь, безутешен...
Раскаяньем свой путь мощу.

Не могу себе как-то представить
«новых русских» на Брестской заставе.

Я представить себе не могу:
«новый русский» не сдался врагу,

А в плену — не пошел на подянку...
Партизанит?! Зимует в землянке?..

Не могу я представить себе
«новых русских» в смертельной борьбе:

чтоб огонь — на себя, чтобы смело —
жизнь отдать за народное дело.

1999

Ах, если б снова родиться!..

Мальчишки топчут лебеду
и, подбоченившись красиво,
они врубаются в крапиву
в ничейном, под застрой, саду.

...а мы крапиву не губили
и не топтали лебеду —
их собирали на еду,
хоть, может, тоже не любили.

У нас тогда в любое время
мерцал в глазах голодный блеск.
Мы шли на корм подножный в лес,
чтоб матерям облегчить бремя.

Из лебеды был хлеб, как яшма
зернисто — черная. Тяжел
и горек был он, словно желчь, —
что и поныне вспомнить страшно.

О, бедные желудки наши!
Как вас терзала тошнота!
Была заветная мечта:
хоть ложку — настоящей каши!

Да что я все тут про еду...
Ведь было кое — что важнее:
мы были к матерям нежнее
в крапивно — лебедном году.

ПОСЛЕ ПОХОРОНКИ

Порой меня ругала мать...
Быть может, просто — зло сорвать!
Но я же видел, что — не зло,
а горе душу мамке жгло...
Был не в обиде.
Зато сдержаться я не мог,
как скажет мать:
«Терпи, сынок,
погиб наш папка...» —
я забирался на чердак,
там горько всхлипывал в кулак,
прижавшись к балке.

1985

КОНЕЦ ВОЙНЫ

У счастливых — отцы приезжают,
насовсем приезжают с войны.
Как они веселятся, гуляют!
Всех знакомых зовут, угощают.
На немецкой гармошке играют:
пыль столбом! Самогонка, блины...
Им, конечно, теперь — хоть бы хны!
...А мой папка — погиб.
И не знает —
что
уже
приезжают
с войны...

1995

ФЕВРАЛЬСКИЕ ОЗНОБЫ

И хоть февральские ознобы
проникли внутрь моей утробы,
и все, что есть там, парусит —
представлю ль я передовую? —
где также стыло ветры дуют,
и где — свинец вовсю свистит?
Где взрыв смертельным снегом брызжет?
Где надо жить — не просто выжить?
Пополнить — про запас — подсумок?
Поспать? И обо мне подумать?
Случится — по нужде сходить?..

Нет, не могу себя заставить —
так прозаически представить
я жизнь предсмертную отца.
Хоть знаю, может все не так, — а
мне с детства видится: атака
и шквал фашистского свинца...

Отец встает: «Вперед! За мною!
Уж «постоим мы головою»
за Родину — ур-ра!..»

и дальше — все как в похоронке:
«...пал смертью храбрых под Великими
Луками у деревни Ивановки в боях
за независимость Родины.
Вечная память героям!»

...на двадцать лет отец моложе
меня, но сердце мне тревожит,
не очерстневшее досель,
туга — февральская метель.

18 февраля 1995

И вот другой февраль — в Чечне...
На необъявленной войне
смертельно ранен лейтенант...
Кто он — герой или оккупант?
Как его будут вспоминать
другой пацан, другая мать,
не знаю... Но понять смогу
их горе...

12 февраля 1996

Я из тех, кто сейчас вымирает...
Все растоптано — Совесть и Честь...

Колоски мы когда собирали —
не могли даже зернышка съесть:
«Все для фронта!..»

И после Победы
мы трудились опять задарма:
то на верного друга — соседа,
то на Родину — закрома.

Нынче ж властвует хам и бесстыдник,
и проныра — под видом купца...

За Россию, конечно, обидно,
но обиднее мне — за отца.

1993

На фронте мы не воевали, —
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мерзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.
На воле жили — как в неволе;
к тому ж — беспаспортные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...

Но Боже! Как же мы любили
свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
СВОЮ — от ночи до рассвета,
в снегах, в слезах — СВОЮ!
Не «эту»!

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Бывало, вглядываясь в снимки,
с крестьянской жалью на лице,
одна в квартире — нелюдимке
мать загорюет об отце:

— В два раза ты уже моложе!
Ну, чо смеешься, чо глядишь?
Мы скоро встретимся, похоже.
Стара я стала, говоришь?

А ты меня признаешь, ми — илый?
А не пройдешь ли стороной?
Я не нашла твоей могилы,
уж ты прости меня, родной.

2

Подойдет к окну — на улицу,
заглядится на троллейбусы,
на бегущие автобусы
и с мечтой проговорит:

— Вот и я — давно ли лётала
на своих до Киекбаева
или к Ленке до Суворова?!
Это ведь не ближний свет.

Ноне же в Дежневку выползла,
вроде, рядом, а измаялась.
Нет, сынок, силов уж нет.
Отходилась я, отмыкалась.

Мне теперь одна дороженька:
если есть на небе Боженька,
то к нему на скорый суд,
видно, детки отнесут...

3

Время, время... Печальная дата.
Грустный холмик. И зябкий закат...
Я приник ко кресту виновато,
как тогда, как три года назад.

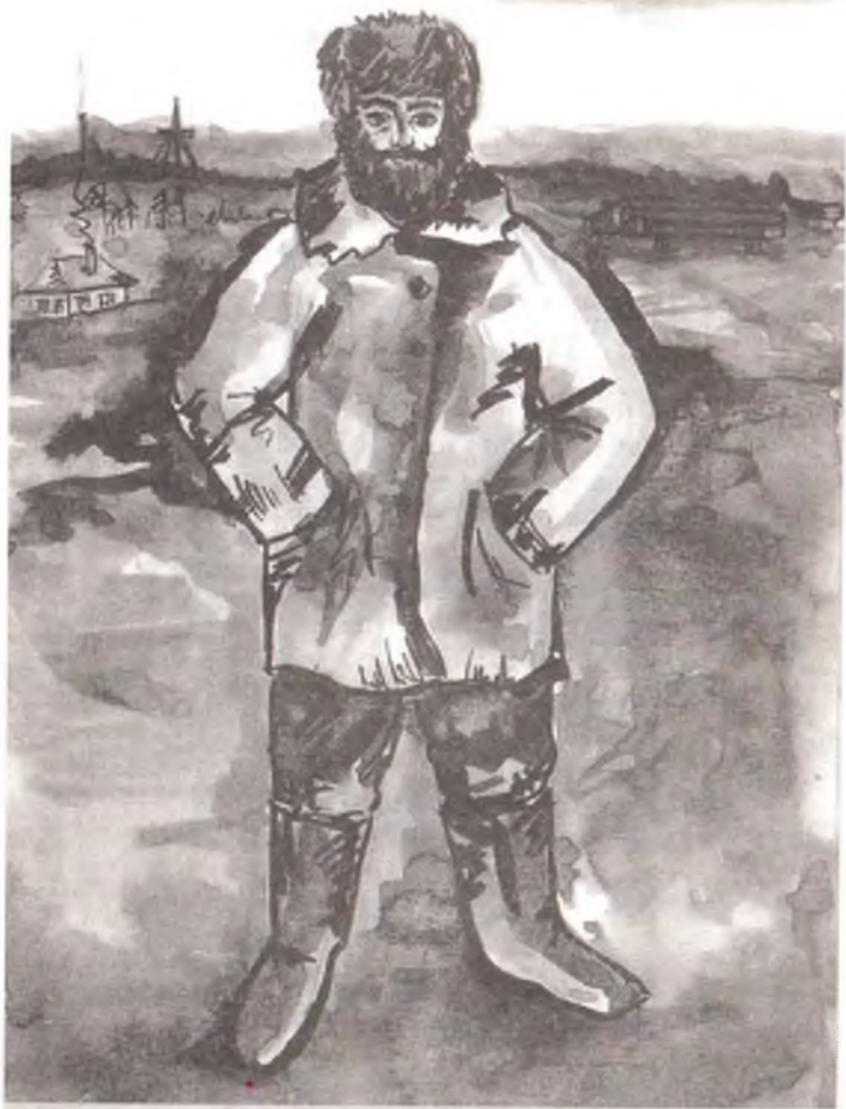
Фотокарточка. Ты в полушалке...
Так щемяща твоя худоба...
«Как тебя мне, родимая, жалко!»
«Что жалеть? Чай такая судьба...»

4

Смолкли, давно отпели
мамины соловьи...
Сами мы постарели:
брат мой и сестры мои...

Кипень, метель черемух
стихли уж... Боже мой!
За Малышовкой в уреме
мама нашла покой.

Ах, если б снова родиться!
Но счастье уж не повторится.

Поэмы

НА ВЕРХНЕЙ ТОЛЬКЕ

«Сибирские Увалы — водораздел Оби
и Енисея... И не только!..»

Из письма старшего груга

1

Дыша натужно, наш «Урал»
вперед тащился понемногу.
Пушистый иней опадал
с деревьев ближних на дорогу —
от сотрясения и от гула.
Дорога гривой спину гнула
и на стиральную доску,
(в желудке наводя тоску),
она местами походила...

До Верхней Тольки путь далек.
И — покосившийся балок
нам кажется роскошной виллой...
Паяльной лампой разогреем
чаек, консервы... И — хоть страх
как хочется: вот так, в унтах,
вздремнуть на нарах! —
в путь скорее:
на Верхней Тольке нужен я —
опять авария!

2

Опять авария... Виски
уже седеют с Верхней Толькой,
а сердце жмут порой тиски...
Все стерпим, был бы только толк!
Не зря ж — за тридевять земель, —
по карте это — ЦЕНТР СОЮЗА! —
пробили мы в пургу,
в метель
жестокий зимник: возим грузы!

3

Достался трудно нам монтаж,
но испытали мы терпенье,
здоровье

и — характер наш, —
когда мы начали буренье...

4

О, здесь чудесные места!
Гордеич, человек бывалый,
хвалился: «Что есть красота,
мы — понимаю!.. В Москве бывали...
В Берлине... Лучше все ж — Увалы!
Поскольку — все здесь на виду:
кедра, лиственки, ягель белый...
Как в стайку, я в свой бор иду:
бью по потребности, с прицела...
Здесь харюз водится... Таймень!..
По осени — муксун...

Рыбалка!

А все — вода!

На будний день —
такую воду тратить жалко!

На ней — грузинский даже чай
как чай: и вкус, и цвет — не хуже
цейлонского...

Вот, невзначай,
не позабыли б вы — про стужу...

5

Нам пробиваться в глубь земли
приходится ведь тоже всяко:
как и снаружи,
там леги
свои

болота, буераки, —
не обойти
и не свернуть:
крепи,
мости,
что хочешь, — делай!
Чтоб долото продолжить путь
могло в плутоновы пределы.

6

На Енисей откочевал
Гордеич старый с Верхней Тольки...
Четыре месяца стоял
мороз за сорок,
жесткий, колкий!
И все, что было пустяком,
решалось прежде мимоходом,
в лавинный превращалось ком —
поднять грозя —
промешкай, —
с ходу!

7

Была работа — на износ.
Борьба была — за выживание.
Ломались трубы. Рвался трос...
Раствор смерзался... как торос,
под вышкой было основанье...
И — на каком? Втором дыханьи?
Я запросто все перенес?..
В себе я не искал ответа,
я просто помнил: сорок третий...
февраль... Ивановка... Отец...

Атака... роковой свинец!
Со мной все ясно: с детства втайне --
готов к любому испытанью.

8

Бурильщик Гена Кочнев — то ж
был биографией похож.
Как «гегемон», имел по праву
(я — представлял!) он орден «Славы»...
Петро... Никитич!.. Ветеран.
Он вспоминал: «Но пасаран!» —
И к месту, а порою — нет...
В бригаде был почти поэт —
Головкин Юра.
С вахтой вместе
он был доселе неизвестен, —
знакомству же благодаря,
ему засветилась заря.

9

Но остальные — пацанва!
Гэпэтэушники...
Из школы
Шагнули в жизнь они едва
с магнитофоном развеселым,
и — так вот сразу, —
в полымя!
Железно робами гремя,
они с завидным хладнокровьем,
порою не щадя здоровья,
пахали рьяно, находя
свою изюминку — в буреньи...

Мороз суровый был судья, —
буренье превращал в Боренье! —
за наше первенство во всем!
И — первым делом — в отношеньях.
Казалось нам, что мы несем
свой крест — за наши прегрешенья.
И, если выдержим, спасем
души заветное стремленье, —
что глубоко, как нефть, лежит
покамест в недрах сокровенных.

10

И вот — Сибирские Увалы.
Округлый горизонт волнист,
Преодолели путь немалый!
А впереди — хоть и не скалы,
но и в увалах — путь тернист!
Петляет зимник и ныряет
то вниз, то целит в небеса.
То глохнет звук, то воспаряет:
«Урал» рассерженно швыряет
дорогу из — под колеса.
И вдруг над стылою тайгой
огни мелькнули буровой...
Она сверкала, как маяк, —
Югры златой тотемный знак!

11

...чужие искупать грехи —
не легче, чем писать стихи!
...хоть страх железкой дребезжит, —

вся вышка напряглась, дрожит,
и шланг пульсирует, как вена..
Не потеряю головы,
Коль буду с «НЕДРАМИ» на «ВЫ»,
все обойдется непременно, —
я буду жить обыкновенно:
тише воды, ниже травы..
И будет жизнь — благословенна!

1977–1986

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Крупнейшее нефтяное месторождение — Федоровское — названо в честь главного геофизика Сургутской экспедиции, лауреата Сталинской премии В. П. Федорова

1

Заросли березовым подростом
профили, которые на глаз
он чертил на карте — пятиверстке,
а потом ходил по ним не раз:
по кипрейно — красным, кудреватым,
по сквозисто — светлым, продувным, —
под Сургутом, Покуром и Ватой, —
и по многим профилям иным.
Верил он в Сибирь, и как апостол,
в свою веру обращал друзей...
«Федоровкой» называют просто
жизнь его вторую среди людей.

2

Он москвичом в двух поколениях
был (только говор, к сожалению,
в нем москвича не выдавал).
После рабфака, кончив МГРИ,
в Москве подолгу не бывал:
случалось, года через три
в Уланском, в дедовской квартире,
Он появлялся. На Памире,
на «крыше мира», среди скал,
он оборонное сырье
новейшим методом искал...

И там же встретил он — ЕЁ! —
Надюшу — Надю — Наденьку,
ответинку души,
веселую и ладненькую...
С признаньем не спешил...
Война устроила проверку:
Четыре года — полной меркой!
Со сборов — сразу под Кронштадт,
в морскую крепость — цитадель!
Артиллерийская дуэль.
Десант. Бомбежки. Вновь десант...
Затишье... (Был бы провиант!)

3

«Ах, Надя, Надя, Наденька!
Тишина зловещая...
Слышу — кто-то сладенько
угощает: «Съешь еще...»
Вспомнил: в тридцать третьем...
У кого же я был? —
не доел котлету,
рюмку не допил...
Время — встали стрелки...
Со слезою сыр...
Целые тарелки —
вижу! — колбасы...
Надя, Надя, Наденька,
где же ты, скажи!
Хуже бомб голодные
эти миражи...
Надя, Надя, Наденька!
Ты сказала летом:
мне б не геофизиком,
мне бы стать поэтом.

Взрыв воображения,
и прием волны...
Боль переломления
отражений в сны.
Слабые созвучия
из сердечных недр.
Тишина измучила.
Я — как полный нерв!
Надя, Надя, Наденька!
Встретимся мы вновь!
Ты моя Надежда,
Вера и Любовь!

4

Сколько сразу счастья у Победы!
С верхом им хватило б одного —
телеграммы: «Еду — еду — еду — у!..»
Встретимся — и больше ничего.
Заждалась их мирная работа.
Каждый день — буквально на разрыв.
Закружилась жизнь водоворотом.
— Приготовились... Вниманье!
Запись — взрыв!
Сейсмограмм шифровано посланье —
прочитать не каждому дано:
сплава интуиции и знания
для прочтения требует оно.

5

Ах, какое время!
Радость — напоказ!
Сталинская премия
За ставропольский газ:
деньги на буфете,
бери — не хочу.
Хватит на банкет и

«Эх, прокачу!»
Клаксон зычный
у «Москвича».
Непривычно: «личный» —
чуть не жмет в плечах.
Славное время:
родились сыны!
Да приказ: «В стремя!
На восток страны!»
Наступила очередь
Сибирского «поля» —
полевой геофизике
в Сибири раздолье!

6

Географию Союза
можно было изучать
по тому,
какие вузы
нам поставили печать
в направленьях на работу
в глухоманную Тюмень.
Обреченно ехал кто-то
во «столицу деревень».
У других зато такое
настроенье — будто им
счастье выпало большое...
Уж гремел вовсю Игрим,
поднялась звезда Шаима,
занимался Мегион...
Славы вкус витал незримо —
и дразнил, конечно, он...

7

Детальной сеткой профилей
мы «пятна белые» покроем:

сейсмический отряд
показывает класс!
Сейсмический отряд
ведет разведку боем.
Да, здесь «Макар телят не пас»,
Но не пугает стужа нас!
И взрывы мирные гремят:
идет сейсмический отряд!

8

В короткой куртке меховой,
распахнутой слегка,
в унтах, в ушанке — он собой
являл полевика.
Ушанку он не распускал
в любой мороз:
«Привык
я на Памире, среди скал,
пить минимум воды.
Привычку эту закрепил
осадною порой.
Известно ведь: замерзнет спирт,
разбавь его водой...»
Шутя он говорил, всерьез, —
не каждый понимал,
привычку же сносить мороз
легко перенимал.
Он как учитель среди нас
и как товарищ был.
В нем сочетались седина
и юношеский пыл.
Застенчивых он ободрял
и поощрял лихих,
но нечестивцев презирал —
во имя их самих.

Камералка, камералка!..
Зимний кончился сезон:
Налетели, словно галки,
Светки, Ольги, Ксаны, Вальки —
щебет, смех со всех сторон.
Истомились в одиночку —
на подбазах жизнь скучна...
Меж девчонок клушкой квохчет,
шустрая, как колобочек,
«бабка» — шеф их, Ильина.
Прилетели, как невесты,
с сундуками... сейсмограмм.
В камералке стало тесно.
Надо всем по нраву место
выделить без мелких драм.
Умудрилась Ильина
всех устроить.
Тишина...
Обрабатывают ленты —
словно милым рушники:
птички, крестики, сегменты —
им понятные значки...
Камералка, камералка!
Хоть не Смольный институт,
но свои порядки тут:
на меня не смотрит Галка,
только громко скажет: «Жарко!
Погуляю пять минут...»
«Девки, девки! Все пригоди! —
Ильина вздохнет, как мать, —
Клады — вычислите, может:
вот бы счастье свое тоже
научились вычислять!»

10

У «бабки» разведка работала четко
на подопечных девчат:
любой донжуанский роман на учете,
не скроешь — в момент уличат.

11

...а соблазнов сколь в Тюмени
проектантам молодым!
Позабыты наставленья,
в номерах — табачный дым.
Как в студенческие годы:
«семерная!», «вист!», «марьяж!»...
В ПСП¹ никто не ходит —
в рестораны да на пляж...
И тут же «молния» летит,
ставит всех на место:
«Предлагаю прекратить
дирижировать оркестром!
воскл. знак Федоров тчк».

12

И так же, как в карты,
потом проектанты
штурмуют азартно
премудрости СУСНов²,
параграфы смет.
Бродило в них сусло,
искавшее русло!

¹ ПСП — проектно-сметная партия.

² СУСН — справочник норм.

Боль стояла в прозрачных глазах.
«Не хворал никогда и вот — нате! —
кровь из горла и боли «в грудях»...
И опять, как тогда, под Кронштадтом,
меж бомбежками, вновь миражи,
но — кошмарней...
как был бюрократом...
белоручкой... сухим технократом...
прожектором... «Лукой»... дипломатом...
Жаль, что так и закончится жизнь:
неожиданно, таким «фертом»...
Ко всему я готов был, но все же, —
жаль, что в жизнь, как в магнитную ленту
никаких корректив не внесешь...

15

Себе, быть может, в укоризну
Цибулин¹ говорил на тризне:
«Мы потеряли Человека!
И человек ведь был не стар.
Прожив чуть более полвека,
он боли века испытал.
Познал он торжество Победы.
Открытий счастье изведal.
Месторождение, с которым
он связан больше был всего, —
пускай теперь идет в историю
под светлым именем его...»

¹ Цибулин — главный геофизик Главка.

(Вторая встреча с Надюшей)

...сколько раз приезжала, живая,
из Москвы на могилку...
«Держись» — будто слышала, слезы глотая.
«Я держусь! Внуки уж подрастают...
Без тебя только жизнь — разве жизнь?
Сыновья — геофизики тоже...
Уезжают в Сибирь на сезон...
На тебя стал Сергей так похожим:
синеглазый, носатый, пригожий,
может, выше немножечко он.
А Илья — в Ильиных...
Ну, и хватит
расслабляться!
Витюша, прощай!»
Вдох и выдох... И горечь утраты,
чтобы жить —
сжав ее многократно,
вглубь души до поры загоняй!
И последний приезд —
урну с прахом
сыновья привезли из Москвы...
Вновь свела их печальная сваха,
но ни вдоха, ни аха, —
горький запах могильной травы.

Вот опять собрались мы все вместе —
все, кто так и хранит до сих пор
в сердце, словно щемящую песню,
с ним последний — живой — разговор.

«...Федоровское месторождение приурочено к Северо – Сургутскому, Федоровскому, Моховому и Восточно – Моховому локальным поднятиям, расположенным в юго – восточной части Чернореченского куполовидного поднятия Сургутского свода... Залежь открыта в 1963 г. ...После пересмотра геофизических материалов было доказано слияние Северо – Сургутской структуры и Федоровского поднятия. И в 1971 г. поисковые работы были возобновлены, что привело к открытию месторождения...»

«Геология нефти и газа Западной Сибири».

М. Недра, 1975

Мегион — Тюмень

1965 – 1985

В. Н. Козлов с дочерью Настей

...

Настенька мила и востроглаза, —
вылитая старшая сестра.
И по фотографии не сразу
различишь их... Видимо, пора
и ее пришла. И совершилось
таинство. Нежней лица овал.
Синь в глазах загадочно сгустилась.
Волос погустел, закудревал.

Ах вы, перемены растакие,
розовые в девичьей судьбе!
И не бабки ль это Евдокии
гены заявили о себе?

Станет ли в нее она — гордячкой?
Или, у судьбы на поводу,
шустрые глаза переиначив,
одолеет кротостью беду?..

Мегион
1987

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

Ночь, скорее крути свою нудную ленту.
Ты сегодня длинна, как последний сеанс.
Завтра я обниму свою доченьку Ленку,
дотанцовывай, ночь, скучный свой контрданс.

Ну, мелькайте ж навывнос, последние кадры!
Свет включают уже, выводя реостат.
Мне не терпится сквозь грозовые эскадры
пролететь над землей, перед крохой предстать.

Синецветка, ветвинка моя, златовласка
укоризненно мне пролепечет: «Па – а – пец!?»
Я в руках удержу ее доброю лаской,
Ощущая биение наших сердец...

Салехард. Ангальский мыс.
1969

МЕТАМОРФОЗЫ

Когда в разгаре словопренья
о чистоте таежных вод
оратор минералку пьет, —
в кассетнике воображенья
включаю я обратный ход,
и все дымы, —
из дальних далей
и эти,
ближних факелов, —
став газом,
нефтью, —
в пласт вбежали,
как джин:
в кувшин и — был таков!
Деревья встали из лежневок —
осинник, ельник, кедрачи...
Но и бетонка
с жутким ревом
в карьерах
грохнулась в ночи...
Нет пленки нефти на Баграссе,
на Меге, Покуре, Оби..
Пейзаж по-своему прекрасен:
даль безмятежна, гладь рябит...
Стоят невзрачные домишки
вдоль Саймы... Берег невысок.
А рядом — с ананасы! — шишки
роняют кедры на песок...
Но вместо нас — другие люди
ведут разведку... Кто они?..
Где и когда открытья будут?..
Что с ними станет в наши дни?..

Как ни крути, но знают в мире:
ведут потомки Ермака
Вглубь покорение Сибири
с Шаима и с Усть-Балыка!..
Кассета, впрочем, тут другая!
Года, как полая вода...
В Нефтеюганске я... в Пургае...
А верно ли я шел сюда?
Рассудок успокоить можно
цифрью, логикой... А как
быть с сердцем?

На сердце тревожно:
а вдруг я жизнь прожил не так?..
И все же: годы, годы, годы... —
прикрас не нужно вам сейчас!
Прощу прощенья у природы:
у вас, леса,
ручьи, у вас...

Винюсь,
как самый окаянный.
Лишь горько мне порой до слез,
что рядом
вместо покаянья
идет сеанс метаморфоз.

1985

ПРИТЯЖЕНИЕ

В север влюбились с тобою мы с первого взгляда.
И до сих пор притяженья его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, родная, не надо —
кроме того, чтобы ты была рядом,
и — чтобы тихо кружилась над нами
лебедем

белая ночь...

Скучно бывало в пургу и в глухое ненастье, —
так, что хотелось все бросить и — с севера прочь!
Но над собою уже не имели мы власти
и, подчиняясь высокой таинственной страсти,
ждем не дождемся: когда же закружит
лебедем

белая ночь...

Так не жалею, что на севере корни пустили:
в теплых краях — оказалось! — и детям невмочь.
Ну, улыбайся, родная, хорош, погрузили!
Кружится в вальсе...

Пусть кружится в вальсе
лебедем

милая дочь
в бе —
лу — ю
ночь!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Притяжение севера</i>	4
«Простую истину одну...».....	9
ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЫШОВКЕ	
«Вся по матери родня...».....	11
«Радость в сердце пообвыкла...».....	12
Лето 48 — го.....	13
Троица.....	14
На nive.....	15
Засуха.....	16
«Растихоня Малышовка...».....	17
«...А тут и волки зачастили...».....	18
В казенном лесу.....	19
Страда.....	20
Лето 46 — го.....	22
«Син минеке бер».....	23
Баллада о Мише — Тазларе.....	24
Осенний призыв 47 — го года.....	25
«...Такая мне душа дана...».....	26
Воспоминание о Малышовке.....	27
Дом на березе.....	28
Родничок.....	29
ВСЕ НА РОДИНЕ МИЛО	
«Проплыл однажды грустный иван — чай...».....	31
Признание.....	32
Сургутский диалог.....	33
«Медленные сумерки России...».....	34
Ермаковская площадь.....	35
«Идут два друга.. Может, я и ты?...».....	36
«Деревяшки».....	37
В соцгороде.....	38
«Поднимается туман...».....	39
«На сугроб декабрьского дня...».....	40
«Ветерану хочется поймать белку...».....	41
«Время летит...».....	42
Опора страны.....	43
То ли день, то ли ночь.....	44
На рыбалке.....	45
Серебряный день.....	46
«Город наш — пока что пыльный очень...».....	47
В тундре.....	48
Сабантуй.....	49
Утром на Вахе.....	50
На Тихом озере.....	51

Шаги	52
Солнцеворот	53
«На Урале буйны грозы...»	54
Реликты	55
Угодия зимы	56
В крещенский мороз.....	57
В старом Сургуте	58
«Этим розовым утром...»	59
Осень на Вахе	60
Отлет	61
Движение жизни	62
«Возноси ты не очень свой нос...»	63
НА ЖИТЕЙСКИХ ВЕТРАХ	
«Что такое «мастер»? Это — «горло»...»	65
«Я ходил вокруг да около...»	66
«Эх, ты, ваховская жизнь...»	67
«У Анечки тонкое личико...»	68
«Мы в тайге дороги строим...»	69
«Сани. Оглобли. Дуга и хомут...»	70
«Кухарка — осень, словно в скороварке...»	70
Месть свояка	71
«Всем казалось: был я, как открытка...»	72
Мне везет!	73
«Тяжело тебе придется без меня...»	74
Эстафета	75
Комментарий к телепередаче.....	76
На гомологический ряд: ВКП(б), КПСС, КПРФ	77
«Нет, спокойно тебе не живется...»	78
Иронический сонет	79
Осень в Приютово	80
«Князи Галицкие ныне...»	81
В котлопункте	82
Пробуждение	83
«Теряем где — нибудь полушку...»	84
Горобец.....	85
Пургайская баллада	86
ПУТЕМ РАСКАЯНИЯ	
«Милые березки! У меня...»	89
«Давненько я не видел ледохода!..»	90
«Разливается Вах...»	91
От Покрова до Покрова	92
Чудо	93
Приобщение.....	94
«Было бабье лето на дворе...»	95
«Я тебя забывать погожу...»	96
Сбой	97

Пилат	98
Канун	99
Отпусное	100
Заклинание	101
Оттенки заката	102
«Богоявление.. Сон.. Пробуждение...»	103
«Тихо и грустно. А снег...»	104
«Стареют не деревья — древесина...»	105
«...И однажды — в канун Рождества Богородицы...»	106
Вешняя красота	107
Остров	108
Стихи про балок	109
«Вдали от милого порога...»	110
Когда тебе грустно	111
«День — то, глянь, куда с добром...»	112
«В душе не отцветают хризантемы...»	113
Вахтовый аист	114
«Простим невольную обиду...»	115
«Ах, ты, ночка, недотрога — ночка...»	116
«...Судьба мне выпала такая...»	117
Храм	118
Аварийный фонтан	119
Предвесенье	120
«Так и не было бабьего лета...»	121
Звезда над Меггионом	122
Отклик	123
Напутствие	124
Угутский сонет	125
Направление в Сибирь	126
«Когда я чувствую, что грешен...»	128
«Не могу себе как — то представить...»	129
АХ, ЕСЛИ Б СНОВА РОДИТЬСЯ!..	
«Мальчишки топчут лебеду...»	131
После похоронки	132
Конец войны	133
Февральские ознобы	134
«И вот другой февраль — в Чечне...»	135
«Я из тех, кто сейчас вымирает...»	136
«На фронте мы не воевали...»	137
Памяти матери	138
ПОЭМЫ	
На Верхней Тольке	141
Вторая жизнь	147
«Настенька мила и востроглаза...»	159
Ожидание встречи	160
Метаморфозы	161
Притяжение	163

Автор выражает признательность
за помощь в издании этой книги
генеральному директору ОАО
«Славнефть – Мегионнефтегазгеология»
Олегу Вениаминовичу Пузанову.

Библиотека газеты
«Тюмень литературная»

075252001

Мегион ЦБ-КО

Козлов Виктор Николаевич

ВОСПОМИНАНИЯ О МАЛЫШОВКЕ

Редактор Н. В. Денисов

Художественное оформление И. Н. Холомьевой

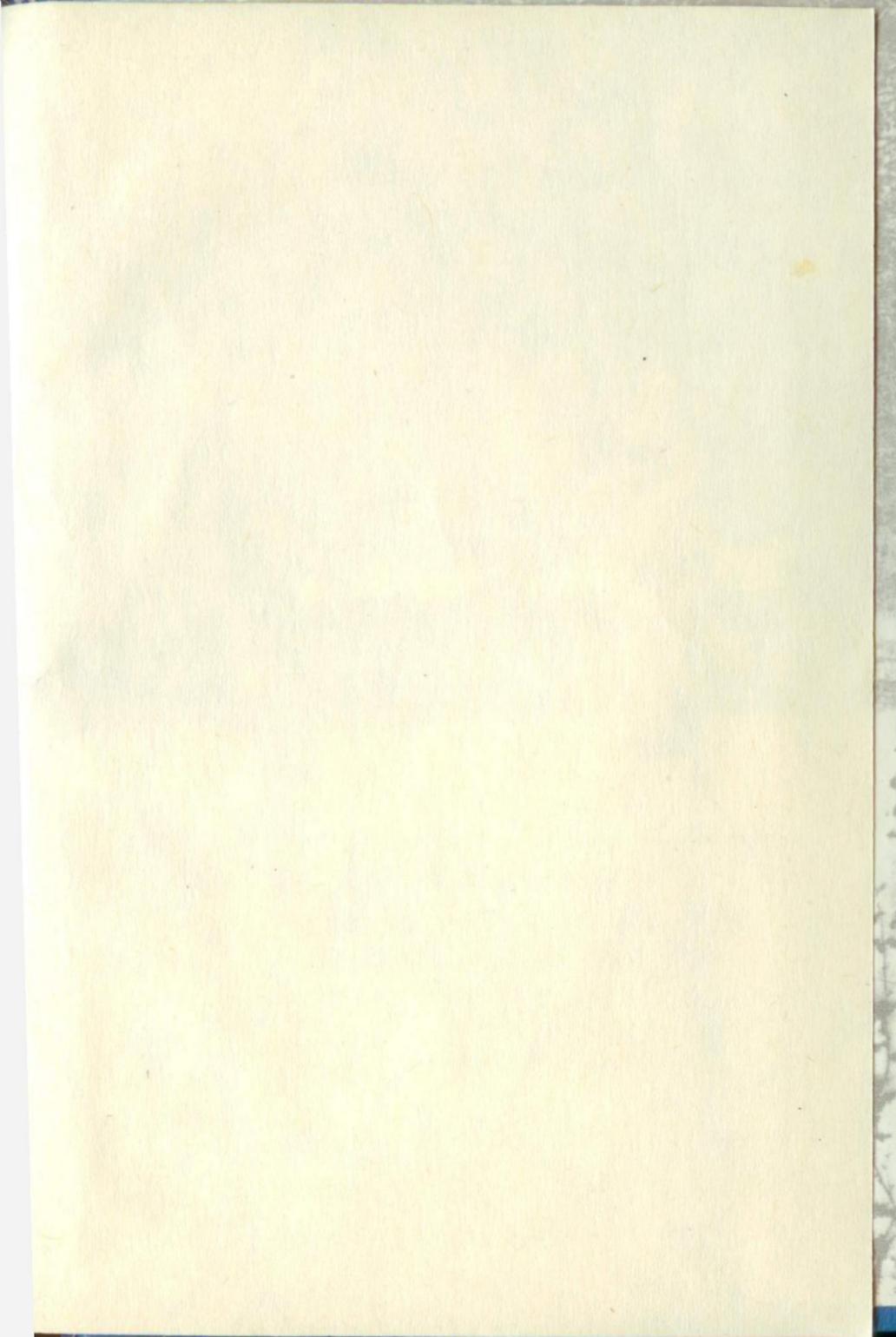
Корректор В. П. Бумагина

Лицензия ЛР № 010124 от 23.12.96 г.

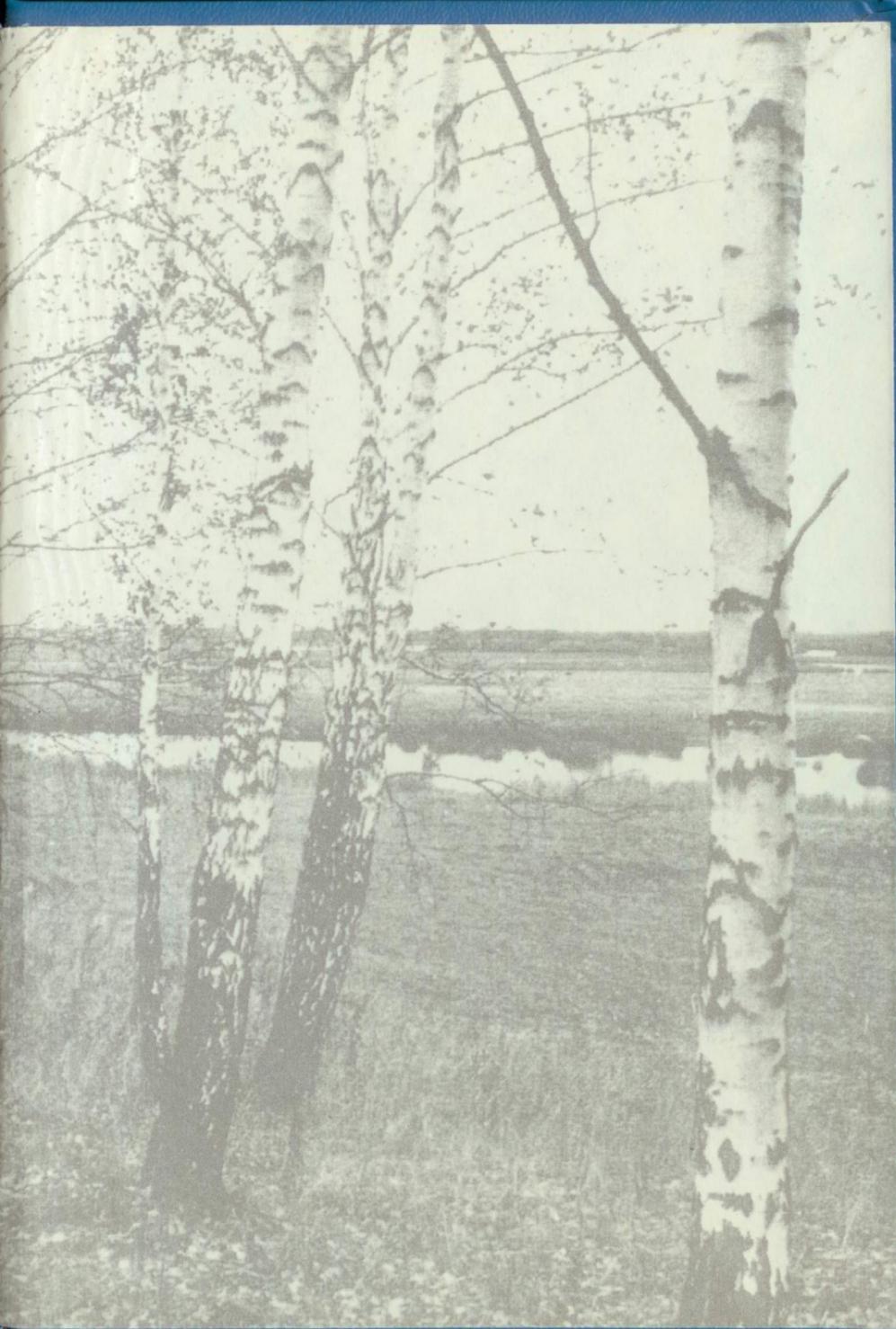
Сдано в набор 10.11.99. Подписано в печать 17.01.2000.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Балтика». Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,77. Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 1000. Заказ № 1623.

Издательство Шадринского ПО «Исеть», 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курганской обл., 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 2-33-51.

2000